Александр Вельтман

Странник

Александр Вельтман

Странник

«Public Domain»
1831

Вельтман А. Ф.

Странник / А. Ф. Вельтман — «Public Domain», 1831

«…Кто твердо решился, тот уже половину сделал, говорит пословица. Я твердо решился путешествовать кругом света и далее, если можно; вот, от моей твердой решительности, половина света уже объехана: половина света, которая пуста и незамечательна, в которую я – и заезжать не буду…»

© Вельтман А. Ф., 1831
© Public Domain, 1831

Содержание

Часть первая 5
День I 8
День II 13
День III 14
День IV 19
День VI и VII 27
День VIII 31
День IX 36
День X 38
День XI 42
День XII 45
День XIII 50
День XIV 60
День XV 65
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Александр Вельтман
Странник[1]

В крылатом легком экипаже.
Читатель, полетим, мой друг!
Ты житель севера, куда же?
На запад, на восток, на юг?
Туда, где были иль где будем?
В обитель чудных, райских мест,
В мир просвещенный, к диким людям
Иль к жителям далеких звезд
И дальше – за предел Вселенной,
Где жизнь, существенность и свет
Смиренно сходятся на нет!
И т. д.[2]

Странник. Часть I

ВАМ[3]

Часть первая

День I

Намерение, Решительность. Европа. Выезд. Предисловие. Быстрота. Нострадамус. Прибытие в Хотин. Я. Положение Хотина. Сон. Полночные прогулки. Заря

День II

Первый ночлег. Моя слава

День III

Спокойствие путешествия. Замечание. Отрывок из обыкновенных предисловий. Монастырь. Берега Днестра. М. Каменка. Дорога между Черной и Сахарной. Каруцы[4]*. Сытый голодного не разумеет. Страшный сон. Монтекукулли. Калейдоскоп. Солнце и Земля. Эскандер. Мысль.*

День IV

Подробная карта. Скала. Наводнение в Испании и Франции. Всемирный потоп. Рыбы. Монастырь Городище. Проводник. Прибытие в Кишинев. Настоящее время. Расход

[4] Повозки *(молд.)*.

День V

Довольно справедливое заключение. Агамемнон. Вес холостого и женатого. Женатый походный офицер. Потеря времени. Молва. Приятный вечер

День VI и VII

Лукулл. Предрассудок. Кишинев. Жиды. Еврейская мелодия. Абуб. Первый шаг на улицу. Плачинды. Экипажи. Митрополия. Куконы[5]*. Пища*

День VIII

Я и время. Положение, Бессарабии. История Бессарабии. 300 спартанцев и 300 историков. Окошко. Молдаванский бояр. Куконица[6] *Ралу. Мой товарищ. Да и нет. Новоселье. Нас было… столько-то. Экспромт*.

День IX

Магомет; 7-й сад Эдема; чудные древа и удивительные ангелы. Гора Абарим. Обетованная земля. Думы вслух

День X

Порядок. Разговор в стихах. Кишиневский сад. Кокетка; чудо, прелесть, роскошь, огонь и божество. М

День XI

Кишиневское озеро. Переселение крылатых; Гусь-Историк. Любопытные вещи в Кишиневе. Мой конь. Хозяйка. Бендеры. Карл XII. Ложе сна

День XII

Тирасполь. Мазил; угощение; Джок. Мулът премулъцимеск[7]*. Разговор с милой читательницей. Г. Тирас; милетка. Вероломство читателя. Белгород; Овидий, Томи. Черное море; буря*

День XIII

Феб и Аврора. Права. Командировка. Поэма Эскандер. Допросы. Вавилонская башня. Аккерманские стены; немецкая колония; кофий. Кагулъское поле; Измаил; Суворов; Псаметтих. Манечка. Дорога по границе. Тоска и скука. Восклицание рыцарей. Нищие. Армасар

---

[5] Дамы *(молд.)*.

[6] Барышня *(молд)*.

[7] Пребольшое спасибо *(молд.)*

День XIV

Путь под покровительством Адеоны. Мои книги. Султанша. Черкесы. Хозары. Природа Подолии. Тульчин. Сад Хороший. Лебеди. Я гулял. Прошедшее. Няня. Купальня. С. Лозово. Манускрипт в стихах. Выписка из него. Мариолица

День XV

Постоянное место в службе. Последняя талия. Поход. М. Фальчи. Капля. Произвол. Мой друг. Он же. Заключение I тома путешествия

День I

I

Наскучив сидячею, однообразною жизнию, поедемте, сударь! – сказал я однажды сам себе, – поедемте путешествовать! – Как? куда, каким образом, с чем? отвечал я, лежа на широком диване, и с глубокомыслием затянулся дюбеком[8], – нужны деньги! – Нужна голова, нужны решительность и воображение; поверьте, что с этими способами можно удовлетворить самое мелочное любопытство; не сходя с места, мы везде будем, все узнаем. Разница между нами и прочими путешественниками будет незначительна: они самовидцы, а вы ясновидец. Что пользы все видеть и, подобно Пиррону и его последователям[9], во всем сомневаться; не лучше ли ничего не видеть и ни в чем не сомневаться?

II

Кто твердо решился, тот уже половину сделал, говорит пословица. Я твердо решился путешествовать кругом света и далее, если можно; вот, от моей твердой решительности, половина света уже объехана: половина света, которая пуста и незамечательна, в которую я – и заезжать не буду.

III

Потрудитесь, встаньте, возьмите Европу за концы и разложите на стол… Садитесь! Вот она, Европа! Но не смотри вдруг на всю просвещенную часть земли. Занимать очи, слух или мысли в одно и то же время несколькими предметами ужасно как вредно для умственных способностей.

IV

Как любопытный чужестранец,
И в мир любви я загляну;
То залюбуюсь на румянец,
То подивлюсь на белизну;
То засмотрюсь на все созданье,
То прикую свое вниманье
К частице общей красоты;
То в бездну погружусь мечты;
И осмотрю я в треугольник[10]

---

[8] *Дюбек* – сорт табака.

[9] Пиррон (ок. 365 – ок. 275 до н. э.) – основатель древнегреческого скептицизма. Одним из основных положений его учения было воздерживаться от всякого суждения, так как оно не связано ни с каким объективным миром и свидетельствует только о субъективном состоянии. Сам Пиррон не оставил никаких письменных трудов, его взгляды изложили ученики, в первую очередь Тимон из Флиунта и Евсевий.

[10] *Треугольник* – чертежный инструмент.

С известной точки шар земной;
А мой читатель, как невольник,
Скитаться будет вслед за мной!

V

Итак, вот Европа! Локтем закрыли вы Подолию… Сгоните муху!.. вот Тульчин[11]. Отсюда мы поедем в места знакомые, в места, где провели крылатое время жизни. Ступай в Могилевскую заставу!.. Чу! кстати на улице зазвенел почтовый колокольчик… Бич хлопнул, прощайте, друзья! audaces fortuna juvat![12]

VI

Я путешествую не для того, чтобы вы читали мое путешествие; по если оно попалось уже к вам в руки и вы непременно желаете видеть следы мои, от самой точки отъезда до благополучного возвращения, то по прибытии в Нубию[13] я объявлю вам цель своего путешествия и для чего я писал его; до того же времени советую прочитать книгу под заглавием: *Великие дела от маловажных причин.* Если же вам неинтересно будет знать, каким образом отыскана и вошла в употребление соль, то не читайте книги, довольно знать и одно заглавие.

Очень известно каждому любителю чтения, до какой степени несносно всякое предисловие, особенно когда г. Сочинитель, неуверенный еще, возьмут ли труд читать его книгу, просит уже пощады и помилования ей и извиняет недостатки ее всеми обстоятельствами своей жизни. Вот почему я не хочу продолжать предисловия.

Хоть я и не буду писать во многих местах ясно, но ни за что не соглашусь толковать настоящего смысла некоторых случайных выражений, которые на пути моем встретятся, как необъяснимые метеоры моего блуждающего воображения.

Покуда Геркулес найдет, на чем переправиться через Атлантический океан, пусть будет здесь: Nec plus ultra![14]

VII

Кофе, или кофий, со славными сливками и трубка должны быть всегда заключением завтрака перед отъездом. Чухонское масло гладко стелется по белому хлебу, если это кофий утренний; и иногда кажется, что он не желудок мой, а мою душу наполняет собою.

---

[11] Подолия (Подольская губерния) имела западной границей государственную границу Российской империи, на севере граничила с Волынской, на востоке – с Киевской, на юге – с Херсонской и по Днепру – с Бессарабской губерниями. Тульчин – небольшой городок в Подольской губернии, вблизи реки Буг. Во время службы автора в Бессарабии в Тульчине находилась Главная квартира (штаб) Второй армии. Из Тульчина Вельтман и выехал впервые на топографические съемки. После назначения старшим адъютантом и начальником исторического отделения Главной квартиры Второй армии Вельтман значительную часть времени находился в Тульчине.

[12] смелым судьба помогает! *(лат.)*

[13] *Нубия* – пустыня в Африке. Упоминая о Нубийской пустыне, Вельтман предваряет читателя, что место действия романа будет не раз в воображении автора переноситься в Африку.

[14] До крайних пределов! *(лат.)*. Имеется в виду древнегреческий миф о том, как Геракл обошел всю Европу и Ливию в Африке и поставил две скалы на берегах Гибралтарскою пролива. Отсюда и выражение «дойти до Геркулесовых столпов», т. е. до возможного предела.

До Могилева[15] нигде на станции мы неостановимся. Поздно сказано! Воображение уже спустилось с каменной горы, проехало без внимания город, таможню, карантин[16] и переправилось через Днестр, не двигая с места парома. Какая быстрота! Где сто десять верст?

VIII

«Торопливость носит наружность страха, небольшая медленность имеет вид уверенности», – пишет Тацит[17], и потому должно ехать медленнее, кто-нибудь скажет; – неправда, говорю я и продолжаю путь во всю прыть своего воображения. Но оно расположилось отдыхать на кружочке на Днестре, над которым выгравировано: Атаки. Покуда вы ходите по местечку и по некоторой части прошедшего времени, я, между тем, с позволения вашего, прочитаю что-нибудь из тетрадки, которая с полки упала прямо в Ледовитое море.

Заглавие оторвано, начала нет; но кажется, что это дневные записки, писанные в роде предсказаний Нострадамуса[18]. Например:

Апр. 20:
Кто видел ее и меня
В минуты печальной разлуки?
Кто чувствовал жженье огня
И слышал лобзания звуки?
О друг мой! души не волнуй
Слезами, блистающим взглядом,
Мне будет медлительным ядом
Прощальный любви поцелуй!

Подобная вещь может с кем-нибудь случиться и не 20 апреля 1822 года, а 1, 4, 8 или 20 мая 1922 года; и потому все эти слова, писанные давно и сбывшиеся в следующем веке, могут считаться чудным предсказанием.

IX

Но вы торопитесь ехать далее. От Атак Днестром, мимо с. Мерешевки, на гору, через Окнпцу до м. Бричан; от Бричан еще 50 верст, и мы в Хотине[19].

---

[15] Имеется в виду нынешний Могилев-Подольский. В ту пору он был уездным городом Подольской губернии, около него находилась одна из главнейших переправ через Днестр на пути в Бессарабию.

[16] *Карантин* – постоянный или временный наблюдательный санитарный пост па границах государства, губернии или округа, охваченных какой-либо эпидемией. В карантинах задерживались путешественники или проезжие, их вещи дезинфицировались или уничтожались. Письма в карантине подвергались дезинфекции, сопровождаемой проколами. В чумные эпидемии Вельтман учреждал карантины, а летом 1830 г. сам был задержан в карантине.

[17] *Тацит* Публий Корнелий (55 – 120) – римский историк, автор «Анналов», «Истории» и других сочинений.

[18] Нострадамус (Нотр-Дам) Мишель (1505–1566) – французский врач, лечивший короля Карла IX, астролог. Автор книги «Века», якобы предсказывавшей будущие события.

[19] *Хотин* – городок на самом севере Бессарабии с крепостью второго разряда. Расположен на правом, возвышенном и обрывистом, берегу Днестра. Вельтман рассказывал в «Воспоминаниях»: «От монастыря Сорок проезжая в Хотин, где также есть готской архитектуры замок, почти во всем Хотинском цынуте вы встретите совсем уже другой мир и подумаете, что какая-то сила внезапно вас перенесла в Малороссию. Тут живут руснаки (так они сами себя называют), ящероглазые сарматы, родовитые бессы. Готический замок Хотина над самым Днестром, на береговом холме, обнятом лощиной, похож на замок Конвай в Бретани. Теперь он составляет уже цитадель крепости. До приобретения Хотина русскими этот город считался сильнейшим во всей Молдавии» *(А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 113). Во время службы писателя в военно-топографической комиссии в Хотине находились чертежные, которые описаны им в стихотворении «Послание к друзьям»

X

Смотрите пристально на карту:
Вот Бессарабия[20]! вот свет!
Я в нем, чуть-чуть не десять лет,
Как шар катался по бильярду!
Лишь иногда нелегкий черт
Меня выкидывал за борт.

XI

Но посмотрим, что скажет Хотин. Город командует крепостью, крепостью-цитаделью, или замком. Чрез крепость проходит лощина, лощиной можно подойти к крепости. Замок древен, построили его генуэзцы. Тут же, кто-то написал, был замок греческой царевны Софьи.

Замок, скалистый берег Днестра, шум воли, тропинка в гору, густой кустарник, сад, площадка на скате, сгнившая беседка… все это сливается в романтическую немецкую древность.

Странствующие рыцари исписали внутренность беседки стихами в честь своих Розалинд, Идалид, Ид и Саломей; исписали воспоминаниями, мыслями и т. п. вещами, наприм.:

Как любовь всегда оплошна!
Здесь однажды ненарочно…

Далее стерлось.

XII

Но, кажется, довольно на первый раз; не пора ли на ночлег? В городе душно, грязно! заедем куда-нибудь в деревеньку на Днестре; например, в Недобоуцы или в Шароуцы.

Так как по самой лучшей деревне Хотинского цынута[21] нельзя судить ни об обычаях, ни о нравах, ни об уме, ни о способностях молдавского народа, то я откладываю описание его до первого джока[22], который мне случится видеть в Орхеевском цынуте. Между тем я теперь имею все право предпочесть сон всему в мире и запеть:

О сон, о тайный чародей!
Безмолвной Леты житель!
Пришлец невидимый ночей,
Спокойствия отрадный водворитель!

---

[20] *Бессарабия* – территория между Днестром, Прутом и низовьями Дуная. По окончании русско-турецкой войны 1806–1812 гг. на основании Бухарестского мирного договора вошла в состав России.

[21] *Цынут* (молд.: цинут) – уезд. Бессарабия была разделена на цынуты.

[22] Джок (молд.: жок) – хороводный молдавский танец. Обозначает также народное гуляние. Музыкальный размер 2/4, встречается также 6/3, 3/8. На мотив джока Вельтман в начале 1820-х годов написал шутливую песенку «Джок»

Люблю тебя, ты негой дан,
Люблю твое роскошное я ложе!
Твой соблазнительный обман
Мне в жизни стал всего дороже!

Я лег, я жду тебя, скорей
Осыпь меня волшебными цветами!
И усыпленьем сладким вей,
И обнимай пуховыми крылами!

XIII

Нет, думал я, мне не хочется спать, я не буду спать, я не стану спать! Часы пробили полночь! какой знакомый час! бывало он для меня то же, что колокол к заутрене для Арины Макарьевны. Перекрестившись, я отправился и… гулял по берегу Днестра. Помните ли?

Как роза, жаркою порою
Склонив румяную главу
И пышный стебель на траву,
Ждет утоления от зною
И, упоенная росою,
Листочки распахнув, лежит…

Далее в манускрипте стерлись слова, как в Паросском мраморе стерлись некоторые оды Сафо[23].

XIV

Лежать, ждать сна и не засыпать, это ужасно!.. Быстро пронеслась *она* по воображению!.. кажется, прикоснулась ко всему существу моему!.. обожгла меня!.. Ах призрак, призрак!

Очаровательна, румяна.
Игривой живости полна,
В прозрачной ткани из тумана,
Пленила чувства мне она!
Не сплю я… вся душа в томленье!
Я жду ее… я весь горю!..
Ревнивцы, бросьте подозренье,
Я жду румяную зарю![24]

[23] *Сафо* (Сапфо; (конец VII – первая половина VI в. до н. э.) – древнегреческая поэтесса. Ее стихи вырезались на мраморе, который добывался на острове Парос в Эгейском море.

[24] Впервые эти восемь стихов были опубликованы в 1828 г. в первом номере журнала «Сын Отечества» как стихотворение под заголовком «Ожидание». Затем их напечатали в альманахе «Северная звезда» за 1829 г.

День II

XV

Дорога меня совершенно разбила; проснувшись около полудня, я чувствовал себя немного нездоровым. Кто пускается в такой дальний путь, того тревожит раздумье на первом ночлеге. Приятно путешествовать! – думает он; но для того, кто возвращается на родину, она ему кажется как берег для спасенного от кораблекрушения. Так Дон Жуан[25], пускаясь в путь, не мог отклонить печальных взоров своих от берегов Испании. Первый отъезд есть урок горестный. Он подобен чувству, которое ощущают даже целые народы, отправляясь на войну. Неизъяснимое волнение тревожит нас; сердце поражено ударом неожиданным. Как ни неприятны были люди и места оставляемые, но все нельзя не оглянуться без умиления на колокольню, возвышающуюся между пышными домами города или между мирными хижинами селения. Таким точно показался бы мне костел св. Доминика, если б я родился в Тульчине и был католического исповедания; но, увы, он не произвел во мне никакого впечатления, подобно проповеди отца доминиканца, наполненной воззваниями к благочестивым слушателям, чтоб они внимали истине, не заглядывались на стороны и не мыслили о посторонних. – Папинька! учитель мне сказал, что истина на дне колодца? – Да, друг мой, *на дне колодца в долгом ящике.*

XVI

Я желал бы… чтоб мое путешествие меня прославило… и т. д.

[25] *Дон Жуан* – В данном случае имеется в виду герой поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» (1819–1823). Покидая родину, Дон Жуан обращается к ней со словами:«Прощай, прощай, родимый брег» (песнь I)

День III

XVII

Пора вставать, мой милый Александр, десятый час! – Нет, подожду, жаль оставить постелю и книгу… – Что это за книга? – *Путешествие Анахарсиса.* Г. Сочинитель аббат Бартелеми[26] также ездил по картам и книгам, объехал всю Грецию и посетил глубокую древность.

О спокойное путешествие! куда не уедешь с крылатым воображением?

XVIII

Чтоб не без пользы совершить путешествие по Арктическому и Антарктическому полушарию глобуса, представляющего Землю, то должно вести подробную опись всем попадающимся в глаза предметам; например: №. Пример здесь был; но я половину примера стер, а другую выскоблил. Мне не понравился он по своей обыкновенности; впрочем, подобные примеры можно всегда найти в старых календарях, в счетах, в отчетах, в памятных и записных книжках.

XIX

Здесь также нехудо предупредить читателя, чтоб он не требовал от меня чистого, звучного слога и изысканной красоты. Выпиши, мой друг, эту страничку; это слова Аристотеля, Дионисия Геликарнасского, Квинтиллиана, Цицерона и пр. у. м.[27]

«Как неприятно видеть почтенного Автора, который унижается, стараясь сделаться писателем звучным, сокращает искусство свое для достоинства и благовидности выражений, трудолюбиво подчиняет мысли словам, избегает стечения гласных с детскою принужденностию, округляет периоды и уравнивает члены выражениями ничтожными и неуместными красотами».

XX

Кому мой труд не неприятен,
Тот может раз его прочесть;
Но так как в солнце пятны есть,

[26] Бартелеми Жан Жак (1716–1795) – французский писатель и ученый. Автор романа «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» (1788). Русский перевод был напечатан в 1803–1819 гг. в 8 томах. В романе рассказывается о путешествии по Древней Греции скифа, интересующегося нравами, культурой и политическим строем государств, которые ему довелось посетить. Произведение Бартелеми способствовало формированию замысла романа Вельтмана «Александр Филиппович Македонский».

[27] Аристотель (384–322 до п. э.), – древнегреческий философ и ученый. Среди его многочисленных произведений дошли до нас «Риторика» и «Поэтика». Дионисий Галикарнасский (вторая половина I в. до н. э.) – древнегреческий историк и ритор. В работах «О сочетании слов», «О Лисий», «Об удивительной силе красноречия Демосфена» и в «Письмах» излагает свое учение о литературном стиле. Квинтиллиан Марк Фабий (ок. 35 – ок. 96) – древнеримский теоретик ораторского искусства, автор сохранившегося трактата «Об образовании оратора». Цицерон Марк Туллий (106 – 43 до н. э.) – древнеримский оратор, писатель, политический деятель. Создал ряд сочинений по вопросам ораторского мастерства.

То есть и в нем премного пятен.

Это клочок из обыкновенных предисловий.

Теперь можем отправляться далее; едем, едем! и вот подали… карту. От Хотина в Кишинев, Днестром, дорога по крутому берегу, в некоторых местах узка и опасна; но наш экипаж везде проедет.

XXI

Не заезжая в Нагорени, Молодову, Коршан. Высилево, Вережаны и проч., где местоположение мило, прекрасно и близко к сердцу уроженца, но далеко от моих обстоятельств и привязанностей, я несусь далее. Атаки мимо! а то опять в два месяца вызовешь. Нет ничего хуже процесса по старому делу!

Горит вечерняя заря,
Темнеет лес… нас только двое…
Уж крест потух монастыря…
Пойдемте! подозренье злое
Стыдливость в краску приведет,
И на невинных грех падет!

Как это монастырь называется?… позабыли? Какая досада! на карте он не подписан.

XXII

Берега Днестра красивы, круты, скалисты, покрыты лесом и кустарниками; но они довольно наскучили нам единообразием предметов. В извилины заезжать не будем.

Это древняя Ольхиония, впоследствии Сокол, а наконец Сорока. Маленький генуэзский замок, наподобие вырезываемого в гербах, вот все, что любопытно в м. Сороках. Против Сорок, за Днестром, г. Цекиновка, также ничем не замечательный.

Еще несколько десятков верст по Днестру, и вы видите на левом берегу прекрасный, очаровательный дом; за ним видите вы крутизну берега, усеянного регулярно виноградником; далее, в группах фруктовых деревьев и тополей, беседка; песчаные тропинки тянутся туда и сюда. В устье впадающей лощины местечко. Это Каменка фельдмаршала графа Витгенштейна[28] в, героя и любимца России. Это рай! – Семейство ангелов! – C'est un Dieu consolateur laissé aumilieu de ses enfants pour y être une image vivante du Dieu qu'ils adorent[29]… – говорит Lacepéde[30].

---

[28] *Витгенштейн* Петр Христианович (1769–1843) – русский генерал-фельдмаршал. С 1818 г. – командующий Второй армией, во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. – главнокомандующий (до февраля 1829 г.) русской армией.

[29] Это бог-утешитель, оставленный среди своих детей, чтобы быть живым изображением бога, которому они поклоняются…

[30] Ласепед *(франц.). Ласепед* Бернар Жермен Этьен де ла Виль (1756–1825) – французский зоолог, автор «Естественной истории человека», вышедшей в русском переводе в 1831 г. В своем сочинении Ласепед продолжал «Естественную историю» Ж. Бюффона. Многотомное сочинение Ж. Бюффона было в библиотеке Вельтмана (см.: *Ю. Акутин.* Из книг А. Ф. Вельтмана. – «Литературная Россия», 1974, № 34).

XXIII

От с. Чорны к Сахарне страшно ехать по берегу Днестра; несколько верст дорога идет по скалистому скату, покрытому кустарником. Дорога так узка, что если мысленно предположить, что съехались на ней два экипажа, то все действие умственного организма головы вдруг остановится, подобно монголам пред Китайскою стеною.

XXIV

Народные экипажи в Молдавии[31] называются каруцами; их два рода: конские и воловьи. – Первые так малы, как игрушки, а другие построены не на шутку и так велики, что две съехавшиеся могут загородить не только обыкновенную дорогу, но и дорогу в Тартар, которой будет сделано, со временем, особенное описание, ибо Мильтон и Данте не представили маршрута, составленного Орфеем[32].

XXV

Когда придет час обеда и донесут, что на стол подано, то всякий человек обыкновенно забывает в это время и страсти и обязанности свои безнаказанно; никто не имеет права упрекнуть его в эту минуту в равнодушии ко всему, что не касается до утоления его голода.

Принесу же и я жертву! Гладу – часть от тельца и от плодов земных, жажде – питие от лоз виноградных!

Всякий сочинитель должен предупредить обедом всех своих читателей из одной боязни, чтоб его не поняли, ибо – сытый голодного не разумеет.

Оставляя читателя на дороге, где несколько ему опасно и скучно стоять, я в оправдание представлю ему слова г. Шенье[33], который сказал, что всякий человек нуждается в снисходительности.

XXVI

В начале 1828 года, после сытного обеда, я подсел было к карте, но глаза мои стали коситься на Турцию[34], и я заснул.

Послушайте, что снилось мне:
Я видел, будто на коне
Летел пред страшными рядами

---

[31] Молдавией (Молдовой) называлось господарство, расположенное за рекой Прут, граничившее с Валахией, Добруджей, Буковиной, Трансильванией.

[32] Милтон Джон (1608–1674) – английский поэт, автор поэмы «Потерянный рай», часть действия которой происходит в аду, «тартаре». Данте Алигъери (1265–1321) – итальянский поэт, создатель поэмы «Комедия» («Божественная Комедия»). Действие первой части произведения («Ад») рассказывает о том, как поэт, руководимый Вергилием, спускается по девяти кругам в подземную воронку «тартара». Орфей – мифический певец Древней Греции. Он спустился в Аид, «тартар», чтобы вернуть умершую жену Евридику на землю.

[33] *Шенье* Мари Жозеф (1764–1811) – французский писатель, публицист, автор трагедий «Карл IX, или Варфоломеевская ночь», «Жан Калас», «Генрих VIII».

[34] Турецкая (Османская) империя занимала значительную территорию Балканского полуострова, граничила с Россией, под ее игом находились Греция и господарство Болгария, Молдавия (Молдова), Валахия. В результате русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Греция получила независимость.

Врагов колол, рубил, топтал
И грозно землю устилал
Их трупами и головами;
Но вдруг какой-то удалой
На поединок встал со мной!
Я дал ему удар жестокий,
Он устоял, и меч широкий
Взмахнул вдруг мне над головой
И снес мне голову долой!
Я чувствовал, как улетела
Душа, и кровь как холодела,
И смерть носилась надо мной!
Я умер… ахнул, пробудился!
Как полоумный, как шальной,
Ощупал я себя рукой;
Потом за голову схватился
И с радости перекрестился,
Узнав, что умирал во сне
И голова моя на мне!

Я бы сказал здесь кое-что о наездниках турецких, о необходимости иметь во время войны, и даже во время войны с турками, добрую лошадь, хорошую саблю, верный пистолет, меткий глаз, твердую руку, небоязливую душу и тому подобные мелочи: но об этом намекал уже и Монтекулли,[35] и потому я обращаюсь к тому, об чем никто не намекал или очень мало намекали. Но есть ли подобная вещь в мире? – это только шутка! – В руках писателя все слова, все идеи, все умствования подобны разноцветным камушкам калейдоскопа. То же самое всякий перевернет по-своему, выйдет другая фигурка, и – он счастлив, ему кажется, что он ее выдумал.

Бедный мир! как все старо в тебе. Сколько лет Солнце волочится за Землей! вот платоническая любовь! вот постоянство! Что, если на старости лет Земля свихнется с истинного пути? – пропало человечество от огненных объятий Солнца!

XXVII

Здесь, кстати или некстати, по известным мне причинам или совсем без причин, единственно по капризу, что очень часто на свете бывает, я должен или, все равно, хочется мне заметить следующее:

1) Александр Великий[36], по всем восточным писателям, называется Эскандер, или Искандер.

---

[35] *Монтекукулли* Раймунд, герцог Мельфи (1603–1680) – австрийский фельдмаршал, военный теоретик. В «Записках, или Главных правилах военной науки…», вышедших в русском переводе в 1760 г., систематизировал и анализировал военно-теоретические взгляды своей эпохи. Вельтман специально занимался изучением военной истории, в его библиотеке находились книги Наполеона, Савара, Каррьон-Ниса, Мемана, Нуажеля и др.

[36] *Александр Великий* (Македонский) (356–323 до н. э.) – царь Македонии, выдающийся полководец и государственный деятель древнего мира. Сын македонского царя Филиппа II и Олимпии. Вокруг личности Александра с древних времен сложилось множество домыслов и легенд. Утверждалось, что он сын не Филиппа II. О походах Александра писали многие западные и восточные писатели и историки.Образ Александра Македонского чрезвычайно привлекал Вельтмана. Ему он посвятил стихотворение «Александр Великий» («Московский телеграф», 1829, № 17), где восклицал:Он впереди, тот юноша прекрасный,Герой и царь, и друг богов,Пред коим все как сонм рабов,Кому земля удел подвластный!К судьбе полководца писатель неоднократно возвращается и на страницах «Странника». Впоследствии Александр становится действу-

2) По тем же преданиям. Александр не совсем признается за сына Филиппова. Некоторые полагают его сыном Дараба (Дария). который женат был на дочери Филиппа. Абдул-Фараг и Санд-Эбн-Батрик[37] думают, что отец Александра был Нектанет, царь египетский, а как говорят некоторые писатели греческие, Нестабан, родом персиянин и маг, знал Олимпию.

3) По словам Юстина[38], Филипп никогда не признавал Александра за собственного сына, что и подтвердил при смерти, по признанию Олимпии, что она приняла сей плод от Дракона.

Вот все, что я хотел сказать сего дня.

XXVIII

Направляя стопы свои в спальню, я подумал: верно, всякому хочется знать причину, для чего я пишу все это? –

Законная причина: моя воля; а побочная объяснится со временем. Что и будет очень натурально.

ющим лицом романа «Александр Филиппович Македонский».

[37] *Абдул-Фараг и Саид-Эбн-Батрик…* – Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (ум. в 976) – арабский писатель, автор «Книги песен», обширного сборника биографий Сайд бен эль Батрик (876–934) – арабское имя ученого Евтихия, написавшего на арабском языке книгу, излагающую всемирную историю.

[38] *Юстин* – римский писатель II–III вв., автор сокращенного изложения не дошедшей до нас «Всемирной истории» римского ученого Трога Помпея.

День IV

XXIX

Что может быть лучше подробной, верной карты? во время войны – для стратегических соображений полководца, для дислокации войск офицеру Генерального штаба, а мне – для спокойного ученого путешествия. Люблю окинуть одним взглядом поприще, на котором был, есть и буду!

Изъяснив таким образом невольный восторг мой при взгляде на всю подвластную человеку часть мира, я сажусь в челнок и плыву по течению Днестра…

XXX

Какой ужасный берег виден там на завороте! скала нависла над рекою. Но что за норы чернеют в самой вершине? – Сей час удовлетворю ваше любопытство, хоть Гораций и велел убегать[39] от всякого любопытного, как от человека нескромного. Взберемтесь по каменистой дороге на гору. Дайте перевести дух!.. Ну, далее, вот тропинка через сад. Днестр, как ручеек, извивается под нами. Мы теперь на вершине той скалы, которая так ужасала нас снизу. Осторожнее спускайтесь по этой вырубленной снаружи скалы лестнице! держитесь за перилы! не глядите вниз, иначе голова закружится, и вы, избави бог, отправитесь к источнику сил, как говорит г. Сочинитель Метамеханики.

XXXI

Видите ли… О неосторожность… какое ужасное наводнение в Испании и Франции!.. Вот что значит ставить стакан с водою на карту!.. но думал ли я когда-нибудь, что столкну его локтем с Пиренейских гор?

Таким же образом, может быть, сказал я с глубочайшим вздохом, подобным моему уважению к халдейским преданиям[40], таким же образом опрокинулся сосуд гнева Кронова[41] и пролилось Океан-море на землю!

Текут лета младенчества Природы;
Уже раздор кипит в начальных племенах;
Но взволновалися, как море, Неба своды,
Земля и племена в бушующих волнах!

О Солнце! ты тогда на ужас не светило,
Отбросило блистательность лучей!

---

[39] Гораций Квинт Флакк (65 – 8 до н э) – римский поэт, автор од, эподов, сатир, посланий. Возможно, Вельтман имеет в виду девятую сатиру I книги сатир «Шел я случайно священной дорогою – в мыслях о чем-то» *(перевод М. Дмитриева)*.

[40] Халдеи – обитатели древней Вавилонии. Далее Вельтмап излагает эпизод из вавилонского эпоса «О все видавшем». Герой произведения Гильгамеш, желая обрести бессмертие, отправляется к своему предку Ксизутру (Ксисуфру, Атрахасису. Утнапиштиму), которому боги даровали бессмертие. Его последнее имя означает «Он обрел жизнь». Достигнув своего предка, Гильгамеш делает попытки узнать тайну вечной жизни. Утнапиштпм рассказывает ему о мировом потопе, о том, как по совету бога Эа он соорудил ковчег и спасся от водяного хаоса.

[41] *Крон* (Кронос) – одно из древнейших божеств древнегреческой мифологии. Во время золотого века Крон управлял миром. У Вельтмапа Крон отождествляется с вавилонским богом Эа.

Как туча черная, печаль тебя затмила,
Печаль о гибели Природы и людей.

Но тихнет глас громовый Элаима[42]
И снова сыплются лучи на бездну вод;
Уж над поверхностью глава Каркуры[43] зрима,
И в пристань первую земли ковчег плывет!

Все претерпело от потопа, все гибло; только невинные рыбы хладнокровно плавали в бесконечном Океане и воображали: вот настало на земле вечное царство рыб!

Здесь очень кстати и необходимо присовокупить следующее:… И Крон сказал Ксизутру: возьми писание о начале, продолжении и конце всего, погреби в граде солнца Сасписе… сооруди ковчег, предайся морю… плыви к обители богов!.. И Ксизутр соорудил ковчег в пять стадий[44] длиною и в две шириною и, по повелению Крона, поплыл к обители богов, но, вероятно, как худой кормчий, сбился с дороги и сел на мель на горах Армении, которые по преданиям халдейским назывались Каркура.

XXXII

Как ни неприятно любопытному читателю возвращаться из Армении в Бессарабию, но что же делать? По обязанности своей, для общего порядка вещей, я беру его поперек и, как орел агнца, несу на ту лестницу в скале, которая ведет в монастырь Городище[45]. Вот, с одного выдавшегося камня на другой, положена дощечка; это ход в старую церковь, вырубленную в скале. Оттуда спуск на каменную площадку. Монах встречает нас и ведет в те отверстия, которые казались лам норами диких птиц. Это кельи монахов. Вся эта скала, висящая над Днестром, есть монастырь Городище. Вновь вырубленная церковь состоит из трех отделов. В ней не поместится более 30 богомольцев. Святые мысли облекают душу в этой мирной обители. Ж. Ж. Руссо[46] сказал: «Забвение религии ведет человека к забвению всех обязанностей!»

Молдавский монах провел нас, сквозь разные скважины, в довольно пространную пещеру; наружная стена из дубовых досок с ружейными бойницами. – Это была защита от татар, – сказал он, разумеется, по-молдавански. – А это что такое? – Пушка. – Какой необычайной длины! – Повертя в руках, я положил почтительно ржавую древность опять на

---

[42] *Элаим* (Элохим) – бог израильских племен (букв. боги, множественное величества), одно из имен, принятых в Библии.

[43] *Кар-кура* (Каркура) – так халдеи называли Араратские горы, к которым якобы пристал ковчег.

[44] Стадий – древнегреческая мера длины, равная примерно 189 м (по Геродоту).

[45] Вот что рассказывает Вельтман в своих воспоминаниях:«Верстах в сорока от Орхея, на Днестре, в вершине береговых скал, есть монастырь Городище. Смотря снизу от реки, кельи кажутся норами птиц, скалы стоят стеной. Взобравшись на гору, в объезд по каменистой крутой дороге, вы найдете там несколько домов, принадлежащих к монастырю, обитель настоятеля и сады. Настоятель поведет вас через сады к вершине скалы; вышина ужаснет вас, когда вы приблизитесь к обрыву и станете спускаться по узенькой, вырубленной снаружи лесенке. По положенной над обрывом доске вы перейдете в старую церковь и в искусственные пещеры, вырубленные в камне; в последнюю должны пролезть сквозь узкий проруб. Здесь хранится несколько старых оружий, и широкое отверстие наружу заделано толстыми дубовыми досками, в которых прорублены ружейные амбразуры. Говорят, что здесь в старину христиане скрывались от татар. Возвратившись на уступ скалы, составляющий площадку, вы помолитесь богу в новой церкви, вырубленной также в камне, посетите трапезную и калугерей в их пещерах с одним окошком и трубой, выведенной наружу скалы. Высота скалы над Днестром до ста сажен. Настоятель вас угостит вином своих садов и сотами меду ‹…›». (*А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 112, НЗ).

[46] *Руссо* Жан-Жак (1712–1778) – французский философ, политический мыслитель, писатель. Он считал, что ответственность человека перед моральными нормами общества можно усилить, связав их с религией. На это и обращает внимание Вельтман, пересказывая мысль философа.

землю. Всякий согласится, что мне легче окинуть одним взором всю Вселенную и течение всех миров, составляющих оную (разумеется, на каком-нибудь изображении системы планетной), нежели поднять пушку, но во время великого Стефана[47] все молдаванские москали, т. е. солдаты, были вооружены пушками, т. е. ружьями.

XXXIII

Так как каждый проводник никогда почти не бывает нужен на обратном пути, что испытано мною на славном главном проводнике и вожатом молдаване Николае Поповиче в последнюю войну с турками, то… но здесь надобно сказать, что это было известное лицо в армии; во-первых, что за тучное животное! а во-вторых, что за деловой человек! Бывало, когда подле него едет и сам капитан над вожатыми, то кажется, едут душа и тело, а за ними течет все войско русское, как Океан-море великое!

Итак, проводник не нужен на обратном пути. Читатель как хочет и как желает, так и выбирается из монастыря Городища, по каменной лестнице на гору, и далее, по лестнице незримой, или на крыльях воображения, в обещанные Востоку Эдем и Эйрен[48]. Я же отправляюсь в Кишинев, и отправляюсь с нетерпеньем, хотя девушка Скюдери[49] и сказала, что краткость жизни нашей не стоит нетерпения.

XXXIV

Б Кишинев! и вот меряю я циркулем по масштабу 5 верст в английском дюйме, по этой бумажной плоскости, по прямой дороге через с. Ла-лово, Стодольну, Лопатку, верхнюю, среднюю и нижнюю Жору, чрез Суслени и другие не подписанные на карте селения до г. Орхея, который лежит на р. Реуте и который можно проехать без всякого внимания. Таким образом мы проехали уже около 40 верст; еще столько, и мы в благополучном городе Кишиневе. Но так как дорога идет чрез хребет гор, большим лесом, и на ней, хотя очень редко, но бывают шалости, то без хлопот беру 40 верст циркулем и одним шагом совершаю путь, который для иных стоит 4 часов езды, со всеми предвидимыми и непредвидимыми трудами и опасностями. Последние слова заключают в себе, по данному им мною весу, порчу колес, осей, погружение экипажей в грязь, остановку лошадей и разные мелочные дорожные случаи, выводящие из терпения путешественников, которые не читали 20-й оды Горация[50] и не знают, что терпение облегчает самые нестерпимые бедствия.

Остановимтесь на этой горе. Вот город на скале; вот и Бык; но о чем долго думать, переедемте через него! Да не подумает кто-нибудь, что я говорю о быке, который лег на дороге и не хочет встать, – совсем нет. География есть наука, описывающая, менаду прочим, что в Бессарабии есть река Бык, на которой лежит г. Кишинев[51].

О Кишиневе, когда я приехал в него в первый раз, можно было много сказать; но проехав чрез него, может быть, в последний раз, я бы не сказал ни слова, если б прошедшее время часто не заменяло нам настоящего.

---

[47] Стефан III Великий (ум. в 1504) – молдавский господарь в 1457–1504 гг. В это время Молдавия вела борьбу с Турцией. В битве 17 января 1475 г. у реки Васлуя молдавское войско одержало победу.

[48] *Эдем и Эйрен* – различные наименования сказочного рая.

[49] *Скюдери* Мадлен де (1607–1701) – французская писательница, автор многотомных галантно-авантюрных романов «Артамен, или Великий Кир» и «Клелия, или Римская история».

[50] Возможно, имеется в виду 24-я ода I книги од Горация, в которой высказана мысль:Но, не ропщи, легче мы вынесемТо, что изменить нельзя.(Перевод О. Румера).

[51] *Кишинев* – в 1820-е годы заштатный городок, центр Бессарабской области.

XXXV

Что такое настоящее время? – спросит меня иной. – Настоящее время есть пища для сердца, для чувств и ума. Просим покорно, чем бог послал!.. А какая дичь!..

XXXVI

Здесь следовал в манускрипте моем расход на обед мой 25 июля 1830 года; но я не помещаю его, как вещь уже прошедшую, хотя никогда не худо заглянуть на прошедшие свои расходы. Подобно полному кошельку, и мы истощаемся, чахнем, и после издержек, в продолжение многих лет, на горе, чувственные удовольствия, болезни и т. п. вещи остается на нас сухая, бесплодная земля – и только.

Когда же упадет роса,
На цвет, поблекнувший от зною?
Тогда ль, как сдвинутся с землею
Таинственные небеса?
Я года за три беззаботно,
Без дум, без ожиданий жил:
Тогда какой-то дух бесплотный
Меня без отдыха носил
От чувств к страстям, от них к желаньям,
От бездны к светлым небесам,
С небес к земным очарованьям,
От прошлых к будущим годам,
И духом был тогда я сам!

Здесь каждый понятный человек должен себе представить, что день кончился, что мы приехали на ночлег, хотя еще не известно ему, где остановились.

XXXVII

Если б я был женат или, лучше сказать, имел бы миленькую, хорошенькую и добренькую жену, – я ни за что на свете не решился бы расставаться с нею надолго и иначе путешествовать, как теперь, т. е. не сходя с покойного своего дивана. Вот почему: между старыми своими бумагами я нашел записную памятную книжку, а в ней следующее заключение: «после долговременного отсутствия забвение встречает неожиданный возврат взором ненависти». –

Так после покоренья Трои
Вожди, цари и дивные герои
Чрез десять лет в отечестве своем
Холодный встретили прием.

По вожделенном возвращенье
И даже сам Агамемнон
Постель свою и царский трон

Застал в чужом распоряженье[52].

Впрочем, это ничего не значит. Агамемнон был великий полководец, но худой муж. – 10 лет! Господи боже мой! где мое терпенье! ни разу не побывать в отпуску! не подать о себе вести, и в какое же время? – за 1184 года до Р. Х. У нас, просвещенных христиан, только 7 лет безвестного отсутствия уничтожают брачные связи[53], и жена свободно может отдать свою руку, сердце, все движимое и недвижимое имение другому, и поделом, и по закону! – не пропадай от жены!

XXXVIII

Жениться прекрасно.

В домашней неге я бы плавал:
Жена, семейство – рай земной!
Хоть между мужем в женой
Почти всегда посредник дьявол!

Это также ничего: недостатки или дополнения в отношении нравственном могут тем или другим образом быть исправлены; но кроме этого к женитьбе бывают иногда невыгоды совершенно материальные. Вы вообразите, что если вы заключаете в себе вес или тяжесть единицы, а подруга ваша так легка, как ноль; если она подле вас с левой стороны, то это не беда, вам не делается от этого тяжелее; но если этот нолик стоит с правой стороны, то есть сочетан с вами по математическим и гражданским законам, то вообразите, что вам в десять раз труднее двигаться с места и в десять раз увеличиваются ваши потребности. Не правда ли? Вот что значит жениться; а вы думали, что вы да она=2? Нет!

К тому же человек военный,
Походный обер-офицер
С своей супругой несравненной
Да с парой деток, например,
При всех его честях и званье
По мне забавное созданье!

Его какой-нибудь Лука
И пьян, и весел спозаранку,
Исправив должность денщика
И заменив жене служанку,
Идет на кухню, есть варит,
Потом в конюшню и не тужит,
Лошадку чистит да бранит
И всем равно и верно служит.

Я поздравлять их очень рад;

---

[52] В отсутствии Агамемнона в Микенах его жена Клитемнестра вступила в связь с Эгистом и с его помощью убила вернувшегося мужа.

[53] Имеется в виду тот случай гражданского права, когда брак прекращается, так как один из супругов считается «безвестно отсутствующим».

Все это мило и прекрасно!
Особенно, когда согласно
Они семейный мир храпят
И вместе денщика бранят.

Их счастье истинно прямое!
У них в хозяйстве все складное:
И зеркальцо, и стол, и стул,
Дорожный самовар, кастрюлька,
И даже есть складная люлька,
В которой сладко бы заснул
И сам Амур, младенец дерзкий,
Из уст супруги офицерской
Внимая: баюшки-баю
Малютку милую мою!

По недостатку и безлюдью
Она на все везде сама:
Сама ребенка кормит грудью
И учит говорить ма-ма! –

Но я завидовал бы другу,
Который в брак вступил шутя,
Имеет нежную подругу
И нянчит милое дитя!
Как часто, утомясь от службы,
В желаньях тонет жизнь моя!
И кажется, изрядный муж бы
С женой хорошей был и я;
Но эту странную идею
Ласкать надеждой я не смею.

XXXIX

Если бы только один день я терял, заговорившись таким образом о вещах, до меня еще не касающихся; если бы только один я терял день без пользы, это было бы простительно; но и император Тит[54] почти всякий день повторял: Amici, diem perdidi![55]

XL

– Знаете что! – вскричал вдруг вошедший ко мне приятель.
– Что?
– Знаете ли, что я слышал?
– Что?

[54] *Tum* Флавий Веспасиан (41–81) – римский император, возглавлявший войска, взявшие и разрушившие Иерусалим. Народ называл его «любовью и утешением человеческого рода».

[55] Друзья, день потерян! *(лат.)*

– Что влюблены ужасно вы!
– В кого же?
– И скоро по словам молвы…
– Дай боже!
– Но мой совет вам подождать…
– К чему же?…
– Чем больше будем рассуждать…
– Тем хуже!..

Вскричал я, закрутил локоны, осмотрелся в зеркало, поправил галстух, налил на платок духов и оставил своего приятеля в неведении, что со мной сталось.

XLI

Я недаром торопился, други-читатели. Вечер промчался. Как милы, приятны неожиданные, заветные удовольствия! Вообразите, я в таком был веселом духе, в каком очень, очень редко бывают люди влюбленные, Я даже решился петь. Для любопытных я пропою еще раз первый и последний куплет.

I

Откройся мне, о друг мой нежный!
Скажи, о чем печаль твоя?
Ужель ты страстью безнадежной
Томишься так же, как и я?

V

Когда любви узнаешь цену,
Тогда в награду приготовь:
За сердце – сердце дашь взамену,
А за любовь его – любовь!

* * *

Но читатель! деликатным
Я теперь не в силах быть!
Тороплюсь, чтоб сном приятным
День приятный заключить.

Не небесный рай мне надо:
Сон и мягкую постель.
Пойте песни, Дид и Ладо,

Нежь меня, крылатый Лель![56]

Звуки сладостные тронут
Душу страстную во мне,
И медлительно потонут
Чувства в сонной глубине.

[56] *...Дид и Ладо… Лель!..* – божества древнеславянской мифологии.

День VI и VII

XLII

Лукулл уже готов был вступить в битву с Тиграном[57], как вдруг донесли ему, что по предзнаменованиям день был несчастен; тем лучше, сказал он, мы его осчастливим победой.

Мне перебежал через дорогу заяц; это добрый знак, – думал я, подъезжая к городу, – это добрый знак! здесь водится много зайцев! – и въехал в Кишинев.

Рассудок говорит: ступай вперед! а предрассудок говорит: воротись! Что же такое предрассудок пред рассудком? – Предрассудок, господа. есть тот камень, который один глупый бросил в воду, а десять умных не вытащили.

XLIII

Вот таким-то образом, слово за слово, шаг за шагом, и мы уже тянемся ночью по грязным кишиневским улицам. Не зная никого в городе, самое лучшее велеть везти себя в заездный дом. – Вези меня в заездный дом! – вскричал я. – *Нушти!*[58]. – отвечал мне суруджи[59] – В трактир! – *Ла каре фатиръ?* – Ну хоть к Дакару. – *Нушти!* – отвечал мне суруджи. – Стой! проклятый Нушти![60]

В некоторых домах еще светилось: я чувствовал, что пахло жидами. – Фактора!. – Фактора? Фактора? – раздалось со всех сторон. Во всех домах распахнулись двери, и вдруг какая-то магическая сила осыпала меня жи дами. – Фактора вам? в трактир вам надобно? – Да! – К Исаевне, ваше благородие! лучше нет заездного дома во всем Кишиневе. – К Голде, в. б.! – кричала другая толпа. – Куда ближе, к Голде или к Исаевне. все равно! – К Исаевне ближе! – Не верьте им! к Голде ближе! Неправда, неправда! – раздавалось с левой стороны… – Ступай налево!.. – Направо! – кричали другие.

– Вот Исаевна!

– Вот Голда!

– Где же? – Вот направо! – Не слушайте их, вот налево!

Наконец с обеих сторон в один голос раздалось: здесь! вот направо! вот налево! – и я увидел, что левую пристяжную жиды тянут в вороты налево, а правую пристяжную в вороты направо, из чего я и заключил тотчас, что Исаевна и Голда обитают одна против другой. Но толстая жидовка слева предупредила толстую жидовку справа ласковым приглашением нива в комнату, и я вступил во владение Исаевны. Вещи внесли. Жиды рассеялись, как туман. На улице опять ничего не стало слышно, кроме еврейского испарения; петухи пропели полночь; дворовая собака в последний раз хамкнула; я потянулся – и заснул.

Так как сновидение есть не что иное, как бессонница воображения, то мне ничего не приснилось, потому что воображение мое успокоилось вместе со мной.

---

[57] Лукулл Луций Лициний (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец и политический деятель. Командовал в 74–66 гг. до н. э. римскими войсками в Третьей Митридатовой войне. Тигран II Великий (95–56 до н. э.) – армянский царь. Был вовлечен в войну с римлянами. Лукулл разбил Тиграна II при Тиграноцерте и Артаксате в 69 г. до н. э.

[58] Не знаю *(молд.)*.

[59] Кучер *(молд.)*.

[60] Здесь: проклятый Незнайка!

XLIV

День более 6 часов уже хозяйничал на нашем полушарии, когда я проснулся. Едва я оделся, толпа жидов с товарами хлынула в мою комнату. – Что вам надо, проклятые? – А может быть, что-нибудь вам надо? – отвечали все вдруг. – Есть платки, помада, духи! может, что купите? – Полотенцы, салфетки, ножи! извольте посмотреть! – Прочь саранча! Убирайтесь к черту. – А где черт живет? – раздался умный жидовский вопрос. – Ей, проводи их к черту! – Не дождавшись проводника, все жиды пустились в дорогу, и все утихло.

XLV

Акустика, или физика, жидовского наречия поразила меня. Есть что-то в произношении оригинальное, и в подражании может быть выражено только посредством какого-нибудь инструмента; но покушение напрасно, ибо абуб[61], древний инструмент, выражавший еврейскую мелодию и хранившийся в святилище храма Соломонова[62], погиб вместе с уничтожением храма. Изобресть подобный инструмент уже трудно, ибо мнения о свойстве его так же различны, как и вообще все мнения и заключения ученых о всякой древности по одним только сохранившимся названиям. Кирхер[63] в своей *Музургии* говорит, что это был инструмент, похожий на трубу; Кальме[64] заключает, что абуб есть то же, что амбубайя, дуда, бывшая в употреблении у латин; по Талмуду[65] абуб есть дудочка; а по мнению всех прочих абуб есть тросточка, от которой барабан издавал тоны приятнее, нежели от обыкновенных барабанных палок.

Это очень любопытно для каждого любителя приятных звуков, или мелодии выражений, особенно издаваемых устами милых женщин; но это особенная статья, которая должна быть помещена в главе *о гармонии Вселенной и о хоре гениев, когда они возносят на небо праведную душу.* И эта любопытно, но я уже оделся и тороплюсь осмотреть Кишинев.

XLVI

Первый шаг на улицу в неизвестном городе ость минута затруднительная, в которую человек смотрит во все стороны и, обыкновенно, после короткой или долгой осмотрительности, идет невольно в ту сторону, в которую тянется более народа.

Первое, что мне бросилось в глаза, были шинки и мелочные лавки; почти во всяком доме на окошках стояли в бутылях вино и водка, а на широких опускных ставнях табак, сера, гвозди, дробь, веревки, мешти[66], кушмы[67], трубки, кочковал[68], масло… – Всемогущий! –

---

[61] *Абуб* (угаб) – свирель, древний еврейский музыкальный инструмент.

[62] По Библии, великолепный храм, построенный царем Соломоном в Иерусалиме с помощью тирского царя Хирама. Из Тира доставляла строительные материалы, приглашали лучших архитекторов и художников. Строительство началось около 1010 г. до н. э. и продолжалось семь с половиной лет.

[63] *Кирхер* Атанасий (1602–1680) – немецкий ученый, занимавшийся изучением лингвистики, древностей. Написал исследование о звуках и музыке «Musurgia universales» (1650).

[64] *Кальме* Августин (1672–1757) – ученый, родом из Лотарингии, занимался археологией библейских времен. Написал ряд работ по истории еврейского народа, издал «Исторический критический словарь Библии» (1722).

[65] *Талмуд* (древнеевр.: изречение, обучение) – собрание толкований Библии, религиозных и правовых предписаний, легенд, сложившихся в III в. до н. э. – V в. н. э.

[66] красные сафьяновые носки *(молд.)*.

[67] высокая шапка из мерлушек *(молд.)*

[68] сорт сыра *(молд.)*.

думал я. – Здесь везде продают; где же живут те, которые покупают? – Плачинда, плачинда! – вдруг раздался позади меня дикий голос. – Сам ты плачинда, проклятый! – и точно: молдаван с поджаренным лицом, как корка пирожная, замасленный, как блин, нес на медной сковороде жирную горячую лепешку и кричал: плачинда, плачинда! – Это завтрак для прохожих.

XLVII

Экипажей встречал я без счета; здесь, по большей части, все ездят в колясках, от последнего мазила[69] с обритой бородой до первого бояра с длинной бородой. Но молдаванские кони не соответствуют венским экипажам. Как тиринтиец, я лопнул со смеха, когда увидел, как две водовозные клячи

С трудолюбивым напряженьем
Цыган, в гусарском доломане,
Плачевным ходом клячей правил;
А толстый молдаван бояр
Недвижно, так, как идол древний,
Секирой сделанный из дуба,
Сидел в качуле[70], расправляя
Усы и бороду густую –
И было тяжело рессорам!
А арнаут[71], облитый златом.
Стоял смиренно на запятках
И трубку длинную держал. –

Я шагом шел, но скоро оставил далеко позади себя эту процессию переезда от нечего делать к безделью. Исполнив предписанный мне визит и отрекомендовавшись по установленной форме, я отправился потом в Митрополию[72]. Литургия совершалась самим митрополитом: глубокая старость его возвышала величие обрядов церкви.

XLVIII

В Митрополии много было народа; близ левого клироса стояли женщины. Взглянув на них – хорошенькие! – думал я. но опустил очи свои, вспомнив: ты не в храме древних истуканов, не языческий грешник, который засмотрелся бы, как молится юная грешница, и верно бы вскрикнул:

О, как мила! как богомольна!
Зевес, Олимпа строгий бог,
Грехи простил бы ей невольно

[69] *Мазил* – молдаванский зажиточный житель, однодворец.

[70] шапка *(мола.)*.

[71] *Арнауты* – албанцы, жившие в Бессарабии.

[72] *Митрополия* – архиерейская домовая церковь в Кишиневе, построенная первым кишиневским митрополитом Гавриилом. Сохранилось описание мптрополии в дневнике сослуживца Вельтмана, прапорщика Ф. Н. Лугишша, в записи от 4 июня 1822 г.: «Наконец собрался и я сходить к обедне и был в здешней Митрополии, где бывает довольно много. – Видел там Пушкина; был также и полковник наш, которого сегодня и не узнал я в мундире. – Хорошеньких довольно. Служба совершенно наша, но церковь длиною более похожа на дом; ризы не богаты. После обедни говорил епископ довольно плохую проповедь…» («Литературное наследство», т. 16–18. М., 1934, с. 670).

За обращенный к небу вздох!
Ее блистательные слезы
Обезоружили б его,
И вместо грома своего
На деву бросил бы он розы![73]

XLIX

По выходе из церкви я имел все законное право рассматривать богомольцев и богомолок, но рассказ об них. без имен, был трактатом о красоте и безобразии. Я скажу только вообще, что молдаванские *купоны* и *куконицы* по наружности очень похожи па русских *госпож* и *барышен,* французских *мадам* и *демуазелей,* испанских *донн,* английских *леди* и *мисс,* немецких *фрау* и *фрейлейн* и так далее. Глаза их черны, быстры и зорки; взгляды спрашивают каждого: «нравлюсь лп я вам? а? что? нравлюсь? ага! пропал!» – И потом вдруг – еще один умильный взгляд, как будто говорящий что-то вроде: «не бойтесь меня – я не жестока».

Но здесь не место говорить о куконах ясным и подробным образом; притом же тот, кто жил на свете, нигде не будет говорить ясно и подробно о женщинах. Еще кстати здесь заметить, что я поставил правилом: смотреть на женщин с хорошей только стороны.

L

Возвратившись домой, я обратил внимание на то, чтобы дать пищу желудку, и садился за стол с намерением поискать после обеда чего-нибудь и для сердца. И это очень обыкновенно. Люди всегда заботятся, по большей части, о желудке и сердце, а ум у них голодает, он похож на немого и безрукого нищего: не попросит и руки не протянет.

После обеда пустился я снова вдоль улиц. Встречая повсюду русских, молдаван, греков, сербов, болгар, турков, жидов и пр., я не смел сделать им вопроса: «вскую шаташася языцы?»

[73] Впервые это стихотворение было опубликовано в 1828 г. в «Сыне Отечества» (№ 1, с. 86), затем напечатано в альманахе «Северная звезда» за 1829 г. (с. 72).

День VIII

LI

Я полагаю, вы заметили, что в течение последнего дня прошло двое суток? Если же не заметили, то это доказывает, что или вы человек рассеянный, или……последнее *или* мне приятнее; но время мстительно! Оно заставит забыть и меня! Далее!

LII

Всякий ученый путешественник обязан умно и подробно отвечать на вопросы о той земле, которую он измерял растворением ног своих. Но, несмотря на эго, если я буду писать, напр., о Бессарабии, что она лежит между такмим-то и такими-то градусами широты и восточной долготы, что она граничит с такими-то и такими-то государствами, лесом, дорогами и т. д., что ее населяют такие-то жители, что в ней столько-то цынутов, или уездов, то, мне кажется, подобным описанием я отобью хлеб у географии – этого я не хочу делать: я скажу только, что Бессарабия лежит на земном шаре в виде длинной фигуры, склонившей главу свою на отрасль Карпатских гор и призывающей в объятия свои родную Молдавию.

LIII

История государства, существа целого, столько же любопытна и поучительна, как жизнь великого человека, но историю провинции, и провинции, подобной Бессарабии, так же трудно писать, как историю пальца, найденного после сражения. При всех затруднениях, все изыскания будут состоять единственно в следующем: по всему видимому, палец велик и хорош, хотя упругость и твердость его от безжизненности совершенно исчезли. – По сравнениям преданий Страбона, Тита Ливия, Квинта Курция, Аммиана Марцелина[74] подобный палец принадлежал к левой руке Аттилы[75], и был он палец безымянный; основываясь же на греческих писателях, он принадлежал во втором веке Децибалу[76] и. будучи мизинцем, был на работах вала, разделяющего Мезию от Певцинии[77].

Плутарх[78] очень рассудительно сказал в «Жизни Перикла», что «трудно, или, лучше сказать, невозможно познать и различить истину в истории», а С. Реаль[79] еще умнее сказал: «довольно знать, как полагают о справедливости событий такие-то и такие-то историки».

---

[74] *Страбон* (63 до н. э. – 17 н. э.) – древнегреческий географ, автор труда «География» в 17-ти книгах. *Ливии* Тит (59 до н. э. – 17 н. э.) – древнеримский историк, автор «Римской истории от основания города» в 142-х книгах, из которых сохранилось 35. *Курций* Руф Квинт (I в. н. э.) – древнеримский историк и ритор, написал «Историю Александра Македонского». *Аммиан Марцеллин* (ок. 330 – ок. 400) – римский историк, автор сочинения «Деяния».

[75] *Аттила* (ум. 453) – вождь гуннского союза племен. Вполне понятно, что Страбон, Ливии, Курций Руф и Аммиап Марцеллин не могли писать о нем. Вельтман изучал историю походов Аттилы и издал в 1858 г. сочинение «Аттила и Русь IV и V веков».

[76] *Децибал* – царь даков в I в. п. э. В 86 г. вторгся в Мезию, разбил римлян и захватил большую часть провинции. Впоследствии император Траян разбил даков. Децибал, раненный на поле битвы, лишил себя жизни.

[77] *Мезия* – в древности страна между Нижним Дунаем и Балканами, потом – римская провинция. *Певцинния* – территория к северу от Мезии, которую занимало племя певкинов. Вельтман использует игру слов: Мезия – мезиец – мизинец.

[78] *Плутарх* (ок. 46 – ок. 127) – древнегреческий историк, писатель и философ-моралист, автор сочинения «Параллельные жизнеописания», в которое входит «Жизнь Перикла».

[79] *Сен-Реаль* Сезар Вишар де (1639–1692) – французский историк, автор многих сочинений по истории Древнего Рима.

Если б при Термопилах[80] в 300-х спартанцах столько же было единодушия, сколько в 300-х историках, описавших марафонскую битву[81], – погибла бы Греция!

LIV

Отклонив внимание и любопытство читателя от Частной и Всеобщей истории, которую в настоящем веке борьбы классицизма с романтизмом не нужно знать, а иногда не должно знать, а иногда стыдно знать, – я иду по кишиневской улице.

Мне кажется, уже давно
У всех в обычай введено:
Чуть дом порядочен немножко,
Взглянуть в открытое окошко;
И иногда награждено
Бывает наше любопытство,
И как я знаю, то окно
Всегда причина волокитства.
Таким же образом и я,
Кидая взоры вправо, влево,
Увидел, точно как моя
Родная! Ангел, а не дева!
Не доходя к окну на шаг,
Невольно снял свою я шляпу,
И если б был я брат арапу,
То и тогда, как черный рак
В воде горячей, стал бы красен;
Но все пройдет! и я согласен:
Хоть крылья режь, хоть крылья рви,
Но улетит пора любви!

Ах, милый друг, какое прекрасное чувство любовь! Знаешь ли что? Она для мужчин соблазнительна, как женщина, а для женщины, как мужчина. Не правда ли?

LV

От окошка я уже продолжал идти, как прикованный к чему-то; чем более я отдалялся, тем более мне становилось жаль чего-то, точно как будто я потерял самое лучшее из всего существа своего. Я хотел воротиться, как вдруг попадается навстречу старый приятель-товарищ. Сначала увлек он меня к себе, а потом повел знакомить с одним знатным бояром молдаванским[82].

---

[80] В 480 г. до н. э., в период греко-персидской войны, персидское войско, возглавляемое царем Ксерксом, прорвалось через горный проход Фермопилы, защищаемый греками во главе со спартанским царем Леонидом.

[81] Битва под Марафоном состоялась 13 сентября 490 г. до п. э., в период греко-персидской войны. В ней афипяне и платейцы под командованием Мильтиада одержали крупную победу над персидским войском, возглавляемым полководцами Да-тисом и Артаферном.

[82] В этой и следующих двух главах писатель рассказывает о встрече с Егором Кирилловичем Варфоломеем (см. прим. к отрывку из «Воспоминаний о Бессарабии»).

В доме встретил я все во вкусе европейской роскоши. Проходя залу, слух мой поражен был хлопаньем в ладоши и громкими повелительными звуками: *Иорги! чубуче!*[83] – В следующей комнате хозяин дома сидел, на диване всею своею особою. Едва мы взошли, он приподнялся, снял феску и произнес важно: слуга! *пуфтим, шец*[84]*,* а потом повторил снова: *Иорги! чубуче!* – Арнаут Георгий подал и нам трубки. После долгих приветствий завязался разговор между товарищем моим и хозяином. По приличию, я внимательно устремил очи на бояра и слушал его плавные речи; посмотрев на меня, он обратился к товарищу моему и сказал: *Молдовеништи нушти?*[85] – *Нушти,* – отвечал мой товарищ. Тем и кончилось обращение ко мне. О приятностях выражений молдавского языка я не могу сказать ни слова, но мне всегда казалось, что хозяин рубил дубовые дрова, а щепки летели прямо мне в уши.

LVI

Так как есть меры и долготерпению, то, соскучившись слушать непонятный разговор, я неспокойно ворочался на диване, вертел шляпу, надевал перчатки, вставал с места, ходил по комнате, смотрел в окошко, кивал товарищу головой, давал знак глазами – ничто не помогло! как прикованный, сидел он на песте. Я уже… как вдруг дверь отворилась, входит дева…

То, верно, дочь была бояра;
Мы поклонились. *Буна сара!*[86] –
Тихонько молвила она.
Казалось, бурная волна
В младой груди ее кипела
И рвалась вон! – Ралука! *шец!* –
Сказал ей ласково отец,
И, закрасневшись, дева села.

LVII

Товарищ мой недолго думал, свел кое-как разговор с отцом и подсел к дочери. Несколько французских слов ободрили меня; как учтивый кавалер я также подал свое мнение о погоде; но речи наши скоро прервались взаимным согласием, что день был прекрасный, и заключением, что, вероятно, будет дождь, потому что нахлынула туча и отзывался гром. Между тем я заметил, что в очах у товарища моего потемнело, уста его точили сот и мед, вся вещественность его была в каком-то конвульсивном состоянии и начинала выражать верховное блаженство души а избыток сладостного огня, похищенного Прометеем[87] с неба. Я знал, что подобное состояние продолжительно и заставляет забывать не только товарища. но и все в мире. Хозяин дома, наговорившись до усталости, предало вполне сладости молчания. Будучи вроде лишнего, я оставил хозяина в табачном дыму, товарища в чаду любви,

[83] трубку! *(молд.).*

[84] прошу, садитесь *(молд.).*

[85] По-молдавски не знает? *(молд.).*

[86] Добрый вечер! *(молд.).*

[87] *Прометей* – в древнегреческой мифологии титан, богоборец и защитник людей, научившихся у него пользоваться огнем. За противодействие богам Прометея приковали к кавказской скале, и огромный орел прилетал каждое утро и клевал печень титана.

а пышную Ралу в некоторой нерешительности, что удобнее на каждый вопрос отвечать: *да* или *нет,* хотя слова *да* и *нет* изобретены людьми решительными и для людей решительных.

Но вот, по-моему, беда:
Когда согласие готово,
Когда в душе вертится: *да!*
А произнесть не в силах слово.
В подобном случае, друзья,
Прелестных женщин видел я.
Им вынуждеиье неприятно;
Любовь имеет тьму примет,
Ее наружность так понятна,
К чему же звуки: *да* и *нет?*

LVIII

Здесь должно заметить, что во время вышеозначенных приключений верный слуга мой переехал в отведенную мне квартиру. Запыхавшись, пришел я на новоселье, и, приближаясь к крыльцу, я уже мечтал, как полетит с меня платье п я погружусь в мягкую постель, как утопленник в волны. Но кто мог предвидеть новое огорчение? На крыльце встретил *в* хозяйку дома – молоденькую женщину в черном платье, которое к ней пристало, как весна к природе. На поклон мой я получил ласковое приветствие на французском языке. Она сама показала мне назначенные для меня комнаты н потом пригласила к себе.

LIX

Здесь продолжение описания я должен был бы начать вроде некоторых новейших поэм:

Нас было двое…

Но я начну другим образом и совершенно в новейшем вкусе. Однако же, я не имею теперь времени продолжать рассказ, и читатель, если он чересчур любопытен, должен знать, что не всегда имеющий уста да глаголет.

LX

Занимаясь иногда мелкими стихотворениями, я всегда терпеть не мог шарад, и тем более шарад, вроде предложенной на разрешение графу Ланьёлю[88]. Самые лучшие произведения, по-моему, *экспромты;* в них видно искусство и резкий полет гения. Все в мире, что хорошо и умно было сделано, – сделано было *экспромтум:* касалось ли это до создания, до стихотворений, до военного искусства или до поднятий покрова со всего, что облечено какою бы то ни было таинственностью. Вот один из экспромтов:

Не встретив в ней противоречий,
Я кратко кончил свою речь:

[88] *Ланьель* – неустановленное лицо.

«Мой друг, игра не стоит свеч» –
И мигом потушил все свечи. –

День IX

LXI

Мне не спалось, и встал я рано,
Еще до света, свечку вздул,
Прочел главу из Аль-Корана[89]
И снова мертвым сном заснул.
И спал я долго, до полуден;
Мой сон был сладостен и чуден:
В нем видел гурии я тень;
Мне снилось, что с ее совета
Я начал свой девятый день
Девятой сказкой Магомета[90].

Так и случилось:

Магомет, иди Мухаммех иди Мегоммед, или по-прежнему Магомет, путешествовал на своем Альбораке[91] подобно мне, не сходя с места. Что за быстрое и решительное воображение! где он не был? Читая книгу Азар[92], я восхищался описанием поездки в Эдем. Седьмой рай мне более всех нравится; и кому бы не нравился этот блаженный сад, где вечно бьют фонтаны s текут реки млечные, медовые и винные? Там вечно цветут чудные древа, там плоды обращаются в дев, столь прелестных и сладостных, что если б хоть одна из них плюнула в море, то вода морская потеряла бы горечь свою! Это бесподобно, несравненно! Но, при всех сих наслаждениях, вообразите себе там же ангелов, имеющих по 70 000 уст, каждые уста по 70 000 языков, и каждый язык, хвалящий бога 70 000 раз в день на 70 000 различных наречиях. Это ужасно! что за шум, что за крик! Нет! беда быть в магометовом Эдеме, несмотря на прекрасный стол и вечно девственных гурий. Вы помните как на Кавказе черный ворон терзал каждый день сердце Прометея и как оно, заживая к следующему дню, готово было на новые терзания? Это все вещи понятные и возможные.

LXII

С высот Эдема спустившись на высоты Кавказские, я еще желаю с них перенестись на аравийскую гору Абарим; с ее чата взглянул бы я на обетованную мою землю, в которую

---

[89] Аль-Коран (Аль-Куран, букв.: книга, чтение) – собрание высказываний Мухаммеда (Магомета) ибн Абдаллаха (570–632), политического деятеля и проповедника, основателя ислама. Коран записан сподвижниками Мухаммеда ибн Абдаллаха после его смерти. Ряд глав (сур) Корана рассказывает о плотских радостях в раю. Так, например, в суре 47-ой говорится:«16(15). Образ сада, который обещан богобоязненным: там реки из воды не портящейся и реки из молока, вкус которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих.17. И реки из меду очищенного. И для них там всякие плоды и прощение от их Господа» (Коран. Перевод И. Ю. Крачковского. М., 1963, с. 404).Рассказывается в Коране также о наслаждениях с вечнодевственными гуриями. Эти мотивы и использовал Вельтман в рассказе о мухаммеданском рае.

[90] Вельтман написал стихотворение «Мегеммед», посвященное жизненному пути Мухаммеда ибн Абдаллаха. В нем пророк говорит о грядущем рае:Восток! тебе на лоне АбраэмаОтверсты горние, сапфирные врата,И вечный цвет любви под пальмами ЭдемаГотовит сладкие объятья и уста!(«Московский телеграф», 1829, № 5, с. 45).

[91] *Альборак* – конь Мухаммеда ибн Абдаллаха.

[92] Возможно, книга «Асар-и ахмеди», биография Мухаммеда ибн Абдаллаха.

приведу чрез все известные моря и пучины несколько тысяч своих читателей. Да ниспошлет небо на пути нашем манну и Земзен[93], и да осветится путь наш и луною и солнцем, – да возблестит на нас одежда славы, да опояшет нас честь и да венчает главу нашу добродетель!

LXIII

Но где, где эта обетованная земля, в которой, сложив с себя тягость жизни, я узнаю, что такое истинное спокойствие, бесконечность любви и сладость дружбы? Там должен меня встретить избранный, единственный друг мой. Так, милый добрый друг мой! до встречи с тобою я буду странником; только ты в состоянии остановить полет мой и приковать меня к блаженству![94]

LXIV

…… я ее люблю…… она меня любит!.. …… – Что же? – Больше ничего.

[93] В Библии манна – белые шарики, упавшие с неба и попользованные в пищу евреями, продвигавшимися в пустыне под водительством Моисея. По-впдпмому, имелся в виду лишайник, встречающийся в засушливых областях Юго-Восточной Европы, Юго-Западной Азии и Северной Африки, он свободно лежит на почве и легко переносится ветром. Земзем – колодец в священном городе мусульман Мекке. Его вода почитается целебной.

[94] Обращение к Е. П. Исуповой.

День X

LXV

Утро и день провел я, приводя в порядок хозяйство свое. Столик под зеркалом накрылся чистой белой салфеткой, и разложился на нем весь мой nйcessaire: помада; духи; щетки: головные, зубные, ноготные; гребни, гребенки, гребешки; savon à la mausseline; бритвы barber; cuir de Pradier; Pâte d'Amand, Pâte minerale[95]; ножички, ножницы; двуличное зеркало; и т. п. в.‹ещи›. Стол близ дивана покрылся зеленым сукном, и по чинам расставились на нем книги, бумаги мои, чернилица и перья. Уложив все, я лег на диван и восхищался мысленно устроенным порядком, квартирой и самой хозяйкой, которую чрез окошко я видел на крыльце. К вечеру влюбленный мой товарищ пришел ко мне.

Я

Ты весь расстроен! что с тобой?
Ну точно как ушел с кладбища!

Он

Черт знает! я совсем не свой,
На ум нейдет ни сон, ни пища!

Я

Помочь теперь уж трудно злу:
Тебя, друг, сглазила Ралу!
Мила!

Он

Ты шутишь!

Я

Кроме шуток!
Она мне нравится весьма:
Я сам на несколько, брат, суток
Сошел бы от нее с ума!

Он

Какая свежесть!

[95] Сорт мыла; барберские бритвы; ремень для точки; притирания *(франц.)*.

Я

Чудо!

Он

Очи!
Ты видел этот блеск очей?

Я

А как же! – время было к ночи,
А нам не подали свечей,
Не нужно было!

Он

Ври!

Я

Ей, ей!

Он

Ну полно! ты чудак, насмешник,
Не испытал ты чувств святых!

Я

Бог знает, кто из нас двоих
По этой части больше грешник!

LXVI

В продолжении подобных разговоров мы собирались в кишиневский сад. Чрез четверть часа мы были уже в нем. Гуляющих было очень много. В толпах искал я того ангела, которого видел в окошке, но напрасно; прелестное видение, как светлый метеор, пронеслось и исчезло навеки! Гуляющих было много: дам, девушек – миленькие мои! Что это за душенька, которая там кокетливо смотрит на нас?

Ах, как же ей не быть кокеткой:
Ее томит врожденный жар.
К ней муж ласкается так редко,
К тому же он и дряхл и стар.
Несносны древние ей сказки,

От них хоть дома не живи,
И усыпительны ей ласки
Экономической любви!
А это кто?
– Матильда.
– Чудо!
– А это?
– Машинька.
Мила!
– А это?
– Пульхерица.
– Роскошь!
А это?
– Сашинька.
– Огонь!
– А то?
– Не знаю.
– О Рафаэль!
Взгляни на это существо!
Дай легкость мне свою, Азаель![96]
Лечу за ним!.. Но для кого
Земля произвела его?
Не для небес ли, не для рая ль?

LXVII

Что дальше было, о друзья,
Не в силах выговорить я!
Еще я помню сон прекрасный,
Еще я помню сон ужасный!

Я знал любовь! я знал ее!
Мне божеством она явилась!
Но где ж она? куда мое
Светило счастья закатилось?

М… милый, верный дух!
Пленяй собой мой взор и слух!
Пусть слышу твой полет мгновенный,
Пусть вижу призрак твой явленный,
Пусть призрак лишь один люблю!

[96] *...Рафаэль... Азаель!* – Вельтман рифмует имя итальянского художника Рафаэля Санти (1483–1520) с именем Азаель, напоминающим имена аигелов еврейской мифологии, в число которых входит и ангел Рафаэль (Рафаил).

Не сон ли жизнь? – я сладко сплю![97]

Может быть, преждевременная смерть есть благодеяние, ниспосылаемое небом.

[97] Стихотворение – отрывок из первого варианта стихотворной повести «Беглец» (см. прим. к отрывку из этого произведения, напечатанному в Дополнениях). Посвящено оно Марии Маврокордато.

День XI

LXVIII

Кончено о Кишиневе. Я все об нем уже сказал, что хотелось сказать. Забыл только объявить охотникам, что подле Кишинева было гнилое озеро, куда я хаживал от скуки стрелять бекасов, диких уток и гусей. Теперь это озеро для очищения воздуха спущено. Населявшая оное дичь переселилась далее на юг, в Буджак[98], частию на лиман Днестровский, на озера: Ялпух, Кагуль, Сасик и проч., а частию на нижнюю, болотистую часть р. Прута. Коренные крылатые обитатели сих вод, птицы бабы, лебеди и прибрежные цапли, приняли переселенцев с распростертыми крыльями. При перелете на новоселье чрез степи Буджакские один Историк-Гусь описал довольно подробно кочевье дроф, стрепетов, куропаток, тетеревей, цыганскую веселую жизнь журавлей, пляску их недремлющих часовых, стоящих на одной ноге и имеющих в другой вместо ружья камень. Описал он также странный обычай аистов, или черногрудов, строить огромные свои гнезды на деревенских церквах и избах и по окончании образования детей отправляться в известное время в неизвестные страны. Кроме того, исчислил он все роды виденных им на речках и ставах куликов, лысок, водяных курочек и водяных бычков. Все эти описания очень любопытны, тел более что Историк-Гусь подробно рассматривает нравы, обычаи и язык их.

Рыбы, вонючие караси, населявшие озеро, не имея средств к переселению, соделались жертвою рыболовов: лягушки же, хотя довольно тесно, но до сего времени живут еще в проведенном канале.

LXIX

Таким образом, сказав все о Кишиневе, все, что не слишком занимательно, я подвергаю любопытство читателя желанию посетить лично Кишинев и увидеть здание бывшего Верховного суда, требующее починки, развалины Дибуглу, древний замок Крупенского[99], известный столькими событиями; сад, Митрополию. Марсово поле. Малину и проч.

LXX

Сбираясь в дорогу, я еще должен осмотреть свое воображение. Подобного коня должно гладить, чистить и холить, кормить мозгом, а поить жизненными соками. Зато, едва только ногу в стремя… распахнулись крылья… хлоп задними ногами в настоящее… глядишь, уж он в будущем или в прошедшем, на том или другом полюсе, на небе или под землей, везде и нигде! чудный конь!

LXXI

Едемте! возлюбленный народ мой! запасись терпением на дальнюю дорогу по пустыням Гетским[100].

---

[98] *Буджак* – Буджакская степь, южная часть Бессарабии.

[99] Перечисляются дома жителей Кишинева 1820-х годов.

[100] Местность между Балканами и Дупаем. Здесь жили племена гетов.

Ну, с бегом!.. Свистнула нагайка
По ребрам быстрого коня…
Эге, постой! – еще хозяйка
Зовет, друзья мои, меня!

«Прощай, мой милый постоялец!
Ты едешь в дальний, в дальний путь!
Надень же ладанку на грудь,
А этот талисман на палец,
И Калипсицу не забудь!» –
«Нет, не забуду!» – «Не измучай!
Не забывай, не забывай!
И если только будет случай,
Мой постоялец!.. приезжай!» –
«Приеду!» – «Ну! еще прощай!» –

Как Телемака[101] в страшном горе
Столкнул премудрый Ментор в море,
Так точно, други, и меня
Мой Ментор взбросил на коня!
И вот я еду…

LXXII

От Кишинева вниз по долине реки Бык, близ с. Бульбок чрез мост, на высокую гору, потом горой, потом длинным спуском… и вот в нескольких верстах видны каменные, устарелые стены и башни Тигинские. Днестр в пространной долине, между садами, лесом, под крутизнами гор извивается, как дьявол-искуситель. За рекой с. Парканы и карантин, далее г. Тирасполь[102], далее стены Херсонские. Что за картина? как далеко человек видит, если у него глаза зорки и если все пред ним открыто.

LXXIII

Здесь, в 3 верстах от Бендер, вверх по Днестру и по сие время есть с. Варница. Здесь сын первого драбанта[103] в мире, великий беглец с битвы Полтавской, никогда не пьющий горячих напитков и вечно нетрезвый, здесь, говорю я, в 1713 году, если кто помнит, Северный капрал, Карл XII[104], обращает свой екзерцирхауз[105] в крепость, противустает с горстию

[101] *Телемак* – сын Одиссея; его воспитывал Ментор, побуждавший ученика отправиться в плавание на поиски отца.

[102] *Тирасполь* – уездный город Херсонской губернии на берегу Днестра. С 1826 по 1835 г. был крепостью второго класса.

[103] *Драбант* – телохранитель военачальников, воин особой стражи. Впоследствии – особый гвардеец.

[104] Карл XII (1682–1718) – король Швеции, сын Карла XI. После поражения в русско-шведской войне под Полтавой (1709) присоединился к туркам, вел с ними переговоры о совместной войне против России. Война окончилась в 1711 г. Карл XII основал шведскую колонию в Бендерах и старался вновь склонить Турцию к военным действиям. Турки требовали ликвидации колонии. Король Швеции не согласился и с 50 воинами отбивался от отрядов турок и татар. После падения Бендер Карл XII с воинами засел в доме, но строение загорелось. Король бросился к другому зданию, споткнулся, упал

шведов всему гарнизону бендерскому; здесь сражается он *pro aris et focisl*[106] в сей беспримерной битве теряет он часть уха, но не теряет бодрости и надежды победить 20 тыс. татар и 6 тыс. турок, осаждающих его. «Храбрые шведы, друзья мои! переносите припасы пороха и пуль в цитадель нашу – в канцелярию!» – восклицает он и тушит загоревшуюся свою крепость бочкой водки. Уже победа почти в его руках, Розен произведен уже на поле битвы в полковники, но – о проклятые ботфорты с длинными шпорами! вы были причиною падения героя!

LXXIV

Кончаю свой день, оставляю последователей моих размышлять о превратностях судьбы и странностях человека и, утомленный, склоняюсь на ложе сна.

«Здесь, – говорит Байрон, – здесь утихает шумная радость, здесь горе призывает сон, сладостное забвение жизни, последнее прибежище несчастному от бедствий! Здесь покоятся и мятежные надежды страстей, заботы вероломства и расчеты беспокойного честолюбия. Забвение облекает все крылами своими, и существование кажется заживо заключено в гробнице!»

Покойся, покойся мечтатель! завтра новые силы окрылят твою гордость; завтра снова ты окинешь взором природу и скажешь: все мое!

и был взят в плен.

[105] манеж *(немец.)*.

[106] за родину! (лат.).

День XII

LXXV

Грешно быть так близко от Тирасполя и не съездить туда, где некогда я выучился накладывать 25 различных пасьянсов, где так сладка и нежна стерлядь днестровская, где так велик, жирен и румян осетр, где так огромна белуга и зерниста икра свежепросольная! Грех было бы не заехать посетить добрых моих знакомых, добрых моих хозяев, не откушать у них русских щей, янтарной ухи и пирога, но 21 день карантина удерживает меня и читателей моих от этого невинного искушения.

LXXVI

От Бендер вниз по Днестру места прелестны, природа и жители богаты, долина днестровская покрыта селениями, все протяжение реки осенено фруктовыми и виноградными садами. Как жив человек там, где природа прекрасна, воздух свеж и куда не заносится заразное дыхание притеснителей и возмутителей спокойствия.

LXXVII

В котором-нибудь из этих селений мы остановимся. Садитесь, гости мои, под акацию; она разливает на нас благоухание свое; столетняя липа заслонила нас от солнца. Хозяин мазил уже заботится, чтоб угостить вас. Земфира и Зоица выносят приданое свое, разноцветные ковры своей работы, стелят на траву. Они не смотрят на вас, но очи их быстры и пламенны, темнорусые волосы завиты в косу, румянца их не потушит и время, груди их пышны, все они – свежесть и здоровье!

Вот несут вам кисти прозрачного винограда, волошские орехи, яблоки, сливы, груши, дыни, арбузы, едва только снятый сот, душистый, как принесенный ореадой[107] Мелиссою. Домашнее вино легко и здорово. Чу! раздались скрыпка и *кобза;* два цыгана запели *мититику;* старшие дочери-невесты собираются на *джок;* молодые молдаване лихими наездниками толпой подскакали к ним, слезают с коней, и все становятся в кружок. Здесь вы видите, как безмолвствуют уста их, как их взоры прикованы к земле и как движутся руки, ноги и весь кружок. Долго продолжается *мититика,* и наконец следуют за ней *сербешты, булгарешти* и *чабанешти*[108]. Это веселее и живее.

LXXVIII

Но все, что продолжительно, теряет цену. Скука родилась от единообразия, и потому, не имея возможности разделять удовольствие джока и вплестись в венок румяных молдаванок, я говорю хозяину, милой Земфире и живой Зоице: *мулт премултимеск!* и тихими шагами иду тропинкой через холмы и лес с прелестной моей читательницей.

---

[107] *Ореады* – в древнегреческой мифологии нимфы гор.

[108] *...мититика... сербешты, булгарешты и чабанешты.* – Молдавский, сербский, болгарский и чабанский (пастуший) танцы.

Я

Не правда ли, природа здесь прекрасна?
Вы в первый раз здесь?

Она

В первый раз.

Я

Вам нравится жизнь сельская?

Она

Ужасно! Особенно, когда…

Я

Я понимаю вас! Но вы меня, быть может, не поймете…

Она

Ах, как вы больно руку жмете!

Я

Простите мне! природу так любя,
От красоты ее теперь я вне себя!
Мне сладко здесь, я счастлив на свободе!
О, как живительна, как сладостна весна!
Примите поцелуй, назначенный природе,
Вы так же хороши и милы, как она!

LXXIX

Незаметным образом приблизились мы к тому месту, на котором по преданиям и *по карте древней истории Бессарабии*[109] лежит г. Тирас[110]; время стерло его с лица земли, и трудно отыскать его могилу; может быть, с. Паланка[111] есть то место, где жила нескромная переселенка с острова Мило[112]; она прекрасна и жива, как воображение пламенного, влюбленного Анакреона[113], власы ее, как блестящий поток струящейся лавы, легкие сандалии и тонкое, прозрачное, как облако, покрывало составляют всю ее одежду.

LXXX

Читатель, взор твой вероломен!
Но бог с тобой, смотри, смотри.
Ты видишь все! но будь же скромен
И никому не говори!
Гречанка юная не знает,
Зачем ты смотришь на нее,
Она от взоров не скрывает
Богатство дивное свое!
Но ты не в силах взор насытить,
Смутил тебя нечистый дух!
Злодей! ты ждешь, чтоб день потух,
Ты хочешь все у ней похитить!

LXXXI

Но, может быть, Тирас был там, где впоследствии славяне основали Бел-Город и где ныне Аккерман[114], это все равно для нас. Не Овидий[115] ли жил, спросят меня, за Днестров-

---

[109] Эта карта, приложенная к книге Вельтмана «Начертание древней истории Бессарабии» (1828), была составлена самим автором

[110] *Тирас* – колония древних греков в устье Днестра.

[111] *Паланка* – укрепленное селение возле устья Днестра.

[112] Венера Милосская, всемирно известный памятник древнегреческого ваяния.

[113] *Анакреон* (ок. 570–478 до н. э.) – древнегреческий поэт, который воспевал любовь, вино, праздность.

[114] *Аккерман* – городок на Днестровском лимане. Он отошел к России по Бухарестскому мирному договору 1812 г. На месте Аккермана был расположен древнегреческий город Тира. Ныне – Белгород-Днестровский.

[115] *Овидий* Назон Публий (43 до н. э. – ок. 18 н. э.) – римский поэт, сосланный в конце 8 г. н. э. Октавианом Августом в город Томы (ныне Констанца). В этом городе он и умер. На протяжении нескольких веков строились различные, порой фантастические, догадки о местонахождении города Томы. Вельтман тоже интересовался судьбой Овидия. Вопреки собственному стиху «Зачем нам знать, где жил изгнанник сей» в четверостишии, завершающем главу LXXXI «Странника», он много лет настойчиво пытался установить, где в действительности был расположен город Томы. В 1840-е годы до него дошли сведения, что гробница Овидия находится якобы в местности, носившей название Азак. Писатель предположил, что местность называлась Азов, и в 1866 г. опубликовал работу «Дон. I. Место ссылки Овидия». Но тогда уже стало известно, где в действительности находились древние Томы. В романе «Странник» Вельтман решил раскрыть еще одну историческую тайну: что явилось причиной ссылки поэта. И он выдвигает версию, что Овидий оскорбил творческое самолюбие Августа.

ским лиманом? там виден город Овидиополь. Нет, скажу я, Овидий Назон был сослан Октавием Августом в г. Томи в Мезии, где теперь г. Мангалия; там жил 10 лет изгнанный поэт. Может быть, какой-нибудь генуэзский корабль завез надгробный его камень вместе с балластом на место нынешнего Овидиополя и неумышленно поселил в потомстве сомнение к преданиям.

Зачем нам знать, где жил изгнанник сей, И прах его влачить с кладбища на кладбище? Он жил, он пел, и вечное жилище Поэта в памяти людей!

LXXXII

Теперь, добрые мои! перед нами Черное море. Воображению нашему представляется уже грозная стихия со всеми ее ужасами и тот корабль, который, помните вы, ветры носили в пучине, и та страшная минута, в которую все снасти лопнули, вода заструилась и бедные пассажиры воскликнули: гибель! Плач и вопли заглушили бурю, сердца облились кровью, и вы – бросили книгу из рук своих! Кто помнит из вас, милые охотники до чтения, Оберона[116] и те прелестные строфы, которые кончаются словами: Sie hören nicht?[117] Это также было на море, и в самую критическую, щекотливую минуту.

LXXXIII

Бурю на море мне никогда не случалось видеть; должна быть ужасна! я читал путешествие капитана Кука[118]; но бурю в чистом поле мне случалось видеть. Вот как описывает ее бурный поэт![119]

Поднявшись с цепи гор огромной,
Накинув мрачный саван свой,
Старуха-буря в туче темной
На мир сбирается войной,
Стихии ссорит и бунтует!
Ее союзник Ураган,
Жестокий сорванец, буян,
Свистит и что есть мочи дует!
Что встретит, где ни пролетит,
Все ломит, рвет, крутит, вертит,
Мутит, ерошит и волнует.
С полей, с равнин, с лесов и гор,
Взвивая пыль, песок и сор,

---

[116] *«Оберон»* – фантастическая поэма немецкого писателя Христофа Мартина Виланва (1733–1813), появившаяся в 1780 г. Семь лет спустя был напечатан ее русский перевод.

[117] Они ничего не слышат? *(немец.)*.

[118] *Кук* Джеймс (1728–1779) – английский мореплаватель. Описал свои путешествия к Южному полюсу и вокруг света, плавание в Тихом океане.

[119] Два следующих за этой фразой стихотворных отрывка принадлежат перу Вельтмана. Они взяты из стихотворной сказки «Янко чабан», которую он сочинял в начале 1820-х годов. Рукопись произведения не обнаружена. На свое авторство писатель указал в «Воспоминаниях о Бессарабии». Там же он рассказал кратко о произведении: «Вскоре Пушкин, узнав, что я тоже пописываю стишки и сочиняю молдавскую сказку в стихах „Янко чабан“ (пастух Янко), навестил меня и просил, чтоб я прочитал ему что-нибудь из „Янка“. Три песни этой нелепой поэмы-буффы были уже написаны; зардевшись от головы до пяток, я не мог отказать поэту и стал читать. Пушкин хохотал от души над некоторыми местами описаний моего „Янка“, великана и дурня, который, образовавшись, так рос, что вскоре не стало места в хате отцу и матери, и младенец, проломив ручонкой стену, вылупился из хаты, как из яйца».*(А. Ф. Вельтман.* Воспоминания о Бессарабии, с. 131).

По поднебесью тучей носит,
И солнцу ясные глаза
И золотые волоса
Он дрянью пудрит и заносит.
И вот, нахлупя капишон,
Седую бровь как лес нахмуря,
Несется черной ведьмой буря;
За ней, пред ней, со всех сторон
Крутятся тучки; Аквилон[120],
Собравши ветров хор с полночи,
Ревет в честь бури что есть мочи.
Стучит, гремит, грохочет гром;
Как льстец, змеею молнья вьется;
В земле от страху сердце бьется.
Но слабым ли моим пером… И т. д.

Тучи прежде времени угасили день; я не виноват, внимательные, добрые мои читатели.

[120] *Аквилон* – римское название холодного северо-восточного или северного ветра. Римляне представляли его, как и другие ветры, в виде божества.

День XIII

LXXXIV

Окончив драку, шум и споры,
Все тучи в западные горы
Ушли. Природа в тишине.
Уж на восточной стороне
Румянец заиграл Авроры[121].
И Феб[122], оставя сладкий сон,
Зевнул, супруге скорчил маску,
Надел плащ огненный, взял связку
Лучей, сел в пышный фаэтон[123]
И на лазурный небосклон
Пустился шагом.
Пусть он едет…

Однако ж, я думаю, как скучно ему ездить всякий день по одной и той же дороге. Вообразите, что эта история продолжается слишком 7 тысяч лет[124] не говоря о безначальности и бесконечности.

LXXXV

Всякий, кто имеет права, должен ими пользоваться, иначе, со временем, он теряет их. Вследствие сего предложения я удаляюсь на время с поприща, предписываю всем читателям отправиться немедленно в Главный штаб Александра Великого и находиться при нем во всех его походах, согласно формуляру сего героя, который можно отыскать в историках: Юстп-не, Ариане, Квинте Курции, Плутархе, Птоломее, Диодоре Сицилийском; в Фирдоуси ибн Ферруке[125], в Магомете бен Емире Коандшахе, в Хамдал-лах бен Абубекре, в Яхиэ бен Абдаллахе, в Дахелуи[126], в Абдал Рахмане бен Ахмеде[127] и многих других древних восточ-

---

[121] *Аврора* – в древнегреческой мифологии мать звезд и ветров, утренняя заря.

[122] *Феб* (Аполлон) – в древнегреческой мифологии один из главных божеств Олимпа. Был также божеством солнечного света, проезжавшим на колеснице по небосклону. Именно в этом облике Аполлон и получил имя Феба, т. е. Блистающего.

[123] *Фаэтон* – экипаж. В древнегреческой мифологии Фаэтон – сын бога солнца Гелиоса. Он попытался управлять солнечной колесницей, но не справился с делом и начал падать. Зевс, чтобы спасти Землю от солнечного огня, поразил его молнией.

[124] Имеется в виду библейское летосчисление, начиная от «сотворения мира».

[125] Юстин – см. прим. 31 к ч. I. Арриан Флавий (между 95 – 175) – древнегреческий историк и писатель, автор сочинения «Анабасис Александра», ценнейшего источника по истории походов Александра Македонского. Курций Руф Квинт – см. прим. 59 к ч. I. Плутарх – см. прим. 63 к ч. I; в его «Параллельные жизнеописания» входит «Жизнь Александра Македонского». Пто-ломей – сподвижник Александра Македонского, составил воспоминания о его деятельности. Диодор Сицилийский (ок. 90–21 до н. э.) – древнегреческий историк, автор труда «Историческая библиотека». Фирдоуси Абуль Касим (между 393 и 341 – ок. 1020) – таджикско-персидский поэт, автор «Книги о царях» («Шахнаме»), в которой рассказывается и об Александре Македонском.

[126] Названы арабские писатели и ученые, упоминавшие в своих произведениях об Александре Македонском. Транскрипция их имен отличается от принятой в настоящее время.

[127] *Абдал Рахман бен Ахмед* – Джами Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад (1414–1492) – таджикско-персидский писа-

ных историках и поэтах. По обратном прибытии в Вавилон[128], по смерти Александра, т. е. по прочтении следующего перевода из *Бахаристала* Джиами… Здесь заблаговременно должно заметить, что все нижеследующее можно найти только в первоначальном манускрипте *Бахаристана;* как вещь не совершенно достоверную, в которой сомневался и сам Абдал Рахман бен Ахмед… По прочтении нижеследующего перевода, говорю я, я приму снова личное начальство над всеми путешествующими со мною.

ЭСКАНДЕР[129]

Дитя мое, мысль моя! кто тебя создал? не я ли? но часто ты мне непослушна, и дерзость твою я могу наказать лишь своею печалью!

Пределом сковать можно воздух, и воды, и свет; но тебя ни границы, ни цепи свободы лишить не возмогут, и тяжесть не сдавит!

Тебе так доступны пространство, и место, и время… Как часто желаю я сбросить всю тяжесть земную, чтоб вольно лететь за тобою, от мира до мира, от бездны до неба, от века до века, от смерти безмолвной до сладостной жизни, от слез до восторгов любви бесконечной!

С гранитной душою родился Эскандер; но чей он потомок – преданья не молвят[130].
Они его встретили юношей гордым, готовым и мыслить высоко и чувствовать сильно.
Приемыш Филиппа не видел отца своего в числе смертных; он в людях рабов своих видел;
Но гордое сердце родную любовь знать хотело – и избрал отцом он владельца Олимпа![131]

Седая скала над пучиной склонилась, как старец над гробом. На ней восседает Эскандер.
На запад высокие тянутся горы, как путь, восходящий на небо.
И море шумит: Эритрейские волны[132] рядами несутся и снова всю землю хотят покорить Океану;
Но скалы гранитною грудью набеги валов отражают.

Задумчив, глядит он на даль и на море; как будто впервые он видит и прелесть и мрачность природы…

тель. Написал прозаическое произведение со стихотворными вставками «Бахаристан» («Весенний сад»). В известном тексте произведения нет поэмы, близкой «Эскандеру», на что намекает и Вельтман в следующих ниже строках. Высказывалось мнение, что ссылка на Джами восходит к какому-нибудь сомпительному источнику. Представляется более вероятным, что указание Вельтмана на «первоначальный манускрипт» – мистификация. У Джами есть произведение «Книга мудрости Александра Македонского», но в ней тоже не упоминается история, рассказанная Вельтманом.

[128] *Вавилон* (аккадское: Бабилу, букв.: врата бога) – в древности город в северной части Двуречья на берегу Евфрата. В 331 г. до н. э. Вавилоном овладел Александр Македонский.

[129] Поэма написана 10 июня 1828 г. В 1831 г. она была напечатана в «Московском телеграфе» (№ 2) с примечанием издателя: «Читатели припомнят, что в Мифах Востока под именем истории Эспандера повествуется история Александра Македонского» (с. 195). О последней любви Александра к Зенде Вельтман говорит и в романе «Александр Филиппович Македонский» (см. Дополнения). Черновая рукопись напечатана в Дополнениях.

[130] Легенды о происхождении Александра Македонского приводятся Вельтманом в гл. XXVII. На самом деле отец Александра – Филипп II Македонский (ок. 389–336 до н. э.).

[131] Имеется в виду Зевс.

[132] Эритреей в древности называли Красное, или Чермное море.

Но в тех ли очах любопытство, для коих нет дивного в мире, которым давно все знакомо?

– Чего я желаю? – сказал он. – Кого же ищу я на суше и море?

Аммона[133] я видел… В устах чудотворного Нила мой памятник вечный[134]… Мой след не засыпать пескам аравийским… Священные Гангеса волны[135] дружину мою напоили!..

Пределы ли мира мне нужны? Себя ли хочу я поставить повсюду пределом?…

Иран и Индийские царства[136] моею окованы волей; четыре пространные моря в границах победы и власти!

Я гордость сломил возносившихся слишком высоко, эфиром дышать не способных.

Цари предо мной – как пред небом титаны!

Ищу ль я покоя? – покой мне несносен: он тяжесть, гнетущая к недру земному.

Богатства я презрел; блестящие камни и злато – не солнце, не звезды!

Солнце и звезды я сорвал бы с неба, чтоб видеть их тайны и светлое море, откуда лучи истекают!

Я понял и пищу страстей, и жаждущих чувств упоенье; Я видел, как явное горе завидует скрытой печали, И презрел я смертных!

В шатре раздаются звуки песни.

Веселые песни невольниц мне вечно, как вопли, несносны!

Кто пел бы приятно и с чувством для чуждых восторгов над гробом своих удовольствий?

Что радость без цели высокой? – мгновенье безумства.

Но радость великих – улыбка природы в минуту восстанья из бездны хаоса!

Любовь… привязанность к праху… чувство, достойное слабых творений!

Можно простить самовластью природы, рабом быть желаний, внушаемых ею;

Но сбивчивость их у людей ли купить за постыдные чувства?

В шатре раздаются слова:

Отец мой, твой голос взывающий внемлю!
Для слуха он страшное слово твердит!
Но скоро слезой окроплю я ту землю,
В которой твой прах неспокойно лежит!

Эскандер *(после долгого молчания)*

Печальные звуки! они раздирают мне душу! Но Зенда прекрасна! За Зенду мне Бел[137] не простил бы, если б жрецы были в силах и в мрамор холодный внушить свою злобу и зависть!

---

[133] *Амон* (Аммон) – древнеегипетский бог. В Египте Александр посетил святилище Амопа, и жрец объявил его «сыном Амона».

[134] Город Александрия, основанный Александром в 332–331 гг. до н. э.

[135] Ганг – река на полуострове Индостан. Александр со своими войсками достиг реки, покоряя Западную Индию.

[136] В IV в. до н. э. территория Ирана входила в состав древнеперсидской державы Ахеменидов. Под индийскими царствами Вельтман имел в виду ряд рабовладельческих государств, к середине I тысячелетия до п. э. образовавшихся на полуострове Индостан, из которых в источниках упоминаются Магадха, Гандхара, Кашала, Анга и др. В период вторжения войск Александра часть долины р. Инд была завоевана Ахеменидами.

[137] *Бел* – ассиро-вавилонское верховное божество.

Их первосвященник погиб под мечом правосудным, и дух возмутителя казни земной был достоин!

Снова к стенам Вавилона! Желание девы исполнить?

Сокровища Индии ей предлагал – отказалась, и просит одно: Вавилона!

Она говорит, в сновиденьях является ей тень отца и зовет на могилу – преступную душу невинной слезой искупить…

Можно не верить, но кто же молился столь пламенно небу, как пламенно дева меня умоляла!..

Когда бы в молитве ее не заметил я страсти, не видел желанья любовь утаить к Александру;

Тогда не пустое желанье, но я врожденное чувство в себе заглушил бы!

И солнце проникнуть не может таинственной дебри Зульмата[138],

Но в мрачном лесу сокрывается светлый источник, которого волны всем жизнь обновляют.

И в Зенде есть светлое сердце – источник блаженства!

(уходит в шатер.)

Стан Александра на берегах Тигра. Вдали Вавилон.

(Дева, в белом одеянии и покрывале, выходит из шатра на холм. В отдалении следуют за ней черные девы.)

Дева

Эскандер! земли тебе мало! Взберись же к престолам воздушным и свергни богов, обладающих миром!

Взберись по могиле народов, тобой пораженных, на небо!

В ней кости отца моего! не они ль тебе будут ступенью?

Нет, гордый властитель!

О, если б ты был и добрее и ближе душой своей к Зенде…

О, если б ты не был преступник для девы, тебя полюбившей…

Тогда бы, Эскандер, ты был мне дороже владычества воли над всею Вселенной.

Дороже и цели мечтаний твоих закоснелых, наследник Олимпа!

Теперь… драгоценна мне нить твоей жизни, но так, как для Парки[139] жестокой!..

В объятьях моих ты узнаешь блаженство; но… с этим блаженством сольется конец твой!..

И я не останусь в том мире, где борются страшные чувства и где достиженье их к цели есть гибель!

(Поет)

Достаньте мне испить воды из Аб-Хэида[140],
Она мои все силы обновит!

---

[138] В мифологии мусульманского Востока лесные дебри под непроницаемым для солнца сводом которых сохраняется источник «живой воды», называемый Аб-Хэйд (Аб-и хайяб).

[139] *Парки* (Мойры) – в древнегреческой мифологии богини человеческой судьбы Киото, Лахесис и Атрона. Первая прядет нить человеческой жизни, вторая проводит через все уготованные судьбою превратности жизни, третья перерезает нить, обрывая жизнь человека.

[140] Аб-Хэид – см. прим. 137.

Отцом оставлена в наследство мне обида,
Но клятва душу тяготит!
Эскандер! кто тебе от девы оборона?
Эскандер, полетим скорее в Вавилон!
Там упаду в твои объятья без защиты,
Там чувства мне восторгами волнуй!
И усладит вдвойне мне душу ядовитый
Любви и мщенья поцелуй!

Черные девы становятся в кружок и поют.

Дева! смотри: над челом гор высоких
Звезды Таи и Азада[141] взошли!
Спой посетителям дев одиноких,
Спой им молитву из чуждой земли!

Ветры утихли, и воды уснули.
Лебеди! дайте нам крылья свои!
Как бы мы скоро и дружно вспорхнули,
Как бы мы быстро летели в Таи?

Юноши! где же вы? В храм Хаабаха[142]
В жертву снесите отсюда тельца!
Юноши! хладно в вас сердце от страха,
Легче похитить вам дочь у отца!

(Все уходят.)

Загородные чертоги Вавилона близ храма Сераписа[143].

Эскандер в исступлении чувств; Зенда стоит подле него; на очах девы слезы.

Эскандер

Еще обойми меня, Зенда! Еще я горю! На сердце растают гранитные льдины Кавказа, дыханье растопит железо и камни!

Мучительны, Зенда!.. нет! сладки томленья любви!

Юпитер, отец мой, завидуй! В объятиях Леды, божественный лебедь[144], завидуй!..

О Зенда! в груди твоей солнце! желаний огонь… в объятьях твоих… я пламенем залил!

---

[141] *Звезды Таи и Азада…* – звезды первой величины в созвездии Орла и в созвездии Льва.

[142] *Хаабаха* (Кааба) – храм в Мекке, святыня мусульман. В нем хранится священный черный камень.

[143] *Серапис* – в древнеегипетской мифологии бог подземного царства.

[144] Имеется в виду миф об увлечении Зевса Ледой, дочерью царя Этолии. Когда Леда купалась в реке, бог приплыл к ней в образе лебедя.

И облит я им, как дворец Истакара[145]: трудом и веками его созидали, а сильный в мгновенье разрушил!

Волнуется кровь!.. Так Понт[146] бушевал… и взбрасывал волны, чтоб сдвинуть Лектонию[147] в бездну… и сдвинул!

Мне душно под небом!.. и небо стесняет дыханье; его бы я сбросил с себя, чтобы вольно вздохнуть в беспредельном пространстве!..

Зенда бросается в его объятия, но, мгновенно вырвавшись, скрывается за столбами чертогов.

Пусти меня, Зенда! Дай меч мой! Я цепи разрушу, которыми ты приковала к земле Александра!

Дай меч мой!.. но где же ты, дева? Иль призрак ты, пламень Юпитера, с неба на казнь мне упавший?

Отец, ты трепещешь, чтоб я не похитил и волю твою и державу над миром!

Своими громами меня поразил ты!.. и молньи твои вкруг меня обвилися, как змеи!..

Ты сбросил меня… в страшный Тартар!

Юпитер!.. и ты знаешь зависть… к счастливцу!..

Бессмертный!.. но вечность не благо!..

(Умирает.)

LXXXVI

Скажите мне, где были вы?
Куда носила вас Фаланга[148]?
Облили ль вы свои главы
Священными водами Ганга?
Он все забвенью предает,
Грехи и грешные сюрпризы:
Недаром жаждала сих вод
Душа невинной Элоизы[149]!

LXXXVII

Не ожидаю вашего ответа, сподвижники мои! мне он понятен. Едемте! но что это значит? Вас и третьей части нет! О любопытство! разошлись по вавилонским улицам! иду вслед за вами! Что вы? Куда вы?… Вавилонский столп… Вавилонская башня… Следы воздушные…

---

[145] Истакар – столица персидского государства в VI–V вв. до н. э. Город был взят и разрушен Александром Македонским в 330 г. Роскошный дворец царей погиб во время пожара.

[146] *Понт* (древнегреч.) – море. Имеется в виду Эгейское море.

[147] Лектон – мыс в Малой Азии у Эгейского моря.

[148] Фаланга – паукообразное ядовитое насекомое, встречается в теплых п жарких странах. Одновременно фаланга в Древней Греции и Македонии – прямолинейное построение для боя тяжеловооруженной пехоты. У Вельтмана – игра омонимами.

[149] Элоиза (ок. НОО – 1163) – подруга, впоследствии супруга французского философа и поэта Пьера Абеляра (1079–1142). Прославилась своей скромностью, преданностью, терпением и умом. Замечательным эпистолярным памятником являются ее послания к Абеляру, с которым она была разлучена.

Э-э, добрые мои! опоздали! еще бы вы родились после второго пришествия! Не все оставляет след по себе. Где вы ищете ее? Она должна быть за городом, судя по эстампу, на котором представлено столпотворение; а по словам ученого путешественника Тавернье[150], эту башню должно искать в провинции Багдадской, в равном расстоянии от Тигра и Евфрата.

Гора *Акеркуф,* или *Каркуф,* как называет ее г. Тексеир[151], есть едва заметный остаток ее. Какая новость!..

Признаюсь вам откровенно, что и для вас, и для меня одинаково досадно переноситься из провинции Багдадской в Буджак.

На месте происшествий *Тысяча одной ночи*[152] мы бы могли зайти во дворец калифа Алмазора[153], но мы со временем опять будем там.

LXXXVIII

Где природа не улыбается мне, там и я смотрю на нее равнодушно. Только гений в состоянии и в самой пустоте отыскать что-нибудь.

О степях Аккерманских Мицкевич все сказал[154], что можно было сказать; я не прибавлю ни слова и, подобно гонимому восточным ветром *перекатиполе,* переношусь от Аккермана и виноградных его садов в какую-нибудь из немецких колоний Буджака. Там спрашиваю себе кофе и одновременно ставлю знак удивительный перед гостеприимной и радушной немкой, которая со словом glaig[155] черпает уполовником из артельного котла, вмазанного в печку, вечно переваривающийся и кипящий, подобно солдатской кашице, кофе! Но я с таким же вкусом выпиваю его, как походный рыцарь старый рейнвейн из бочки поаннисбергской.

LXXXIX

Из немецкой колонии еду я чрез Кагульское поле, где Румянцев[156] разгромил турок, еду в Измаил. Здесь Суворов[157] в продолжение 11 часов то наделал, что египетскому царю

---

[150] *Тавернье* Жан Батист (1605–1689) – французский путешественник, совершал экспедиции в страны Азии, умер в Москве. Оставил среди прочих сочинение «Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию». Писал о предполагаемом местонахождении вавилонской башни. По Библии, в земле Сенаар (Месопотамия) строился город-башня (столп), вершина которого должна была достигнуть небес. Бог был возмущен дерзкой попыткой, смешал языки людей, они были лишены возможности говорить друг с другом и рассеялись по земле. В мифическом сказании отразилось строительство в Вавилонии гигантских зиккуратов осуществлявшееся многоязычными племенами.

[151] Тексьер Шарль Феликс Мари (1802–1871) – французский путешественник и археолог. В 1829 г. изучал Персию, Армению, Месопотамию Возможно встречался на пути с Вельтманом.

[152] Царь Шахрияр, которому рассказывала сказки Шахразада, владычествовал над островами Индии и Китая, как упомянуто в «Рассказе о даре Шахрияре». А действие сказок происходит в Багдаде и Дамаске, Каире и Басре, Андалузии и в Медном городе, во владениях Синего царя джиннов и прочих волшебных царствах.

[153] *Калиф Алмазор – Абу* Джафер Абд-алла бен Мохаммед аль Мансур (аль Мап-сур – находящийся под покровительством бога) (712–775) – второй калиф из Дома Абассидов.

[154] Мицкевич Адам (1798–1855) – польский поэт. Создал сонет «Аккерманские степи», в котором писал:Я выплыл на простор сухого океана;Возок мой, как ладья, ныряет по волнамШумящих буйных трав, минуя там и сямУступы островов коралловых бурьяна.(перевод О. Румера)Первые переводы сонета на русский язык были напечатаны в 1828 г.

[155] сейчас *(немец.).*

[156] *Румянцев* Петр Александрович (1725–1796) – русский полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. командовал Второй, а затем Первой действующей армией, 21 июля (1 августа) 1770 г. разгромившей турок у реки Кагул.

[157] *Суворов* Александр Васильевич (1729–1800) – русский полководец. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. русские войска блокировали в ноябре 1790 г. Измаил, принадлежавший Турции. 2(13) декабря того же года под крепость прибыл командующий русскими войсками Суворов. 11(22) декабря был еачат штурм. После кровопролитного сражения русские войска овладели крепостью.

Псаметтиху[158] с 400 000 войском едва удалось сделать в 254 040 часов пред ассирийскою крепостью Азотом в Палестине.

1790 год после Р. Х. и 670 до Р. Х.; но что такое время перед гением?

XC

Здорово, Манечка мой свет!
Здорово, миленький мой идол!
Ты замужем? – в двенадцать лет
Тебя бы замуж я не выдал!
Но ты счастлива, ты уж мать!
Как чувства радостно и звонко
Торопятся напоминать,
Как я любил поцеловать
Тебя, прелестного ребенка!

XCI

Наговорившись вдоволь о Буджаке и о всех достопримечательностях бывшей Бессарабской Татарии, я выкрадываюсь незаметно из толпы своих читателей, которые с любопытством прогуливаются еще на лодках по Вилковским каналам, воображая, что они в Амстердаме[159], рассматривают укрепления Килии и Измаила[160], посещают порт Измаильский, покупают и кушают апельсины, *рахат-лукум,* финики, сливы и дульчец[161], пьют греческие вина и *шербет,* курят табак… я выкрадываюсь из толпы их незаметно и, задумавшись, как Гваринос[162], еду *трух-трух, а инде рысью,* по р. Пруту, по границе бывшей Турецкой империи. Перестановка слов ничего не значит; впрочем, Кромвель[163] и запятой воспользовался…

Итак, я еду и думаю:

Лишь только б не было задержки за маршрутом;
А как его дадут,
То мы махнем и через Прут,
Лошадку подгоняя прутом.

---

[158] *Псаметтих I Уахибра* (Псам: тик) – египетский фараон 665–611 до п. э. В борьбе с Ассирией восстановил независимость Египта.

[159] Амстердам, столица Нидерландов, лежит в дельте реки Амстея у залпва Эйселмер (Зейдерзее) и пересечен рядом каналов (Сингел, Кайзерсгахт, Принсенгахт, Херенграхт и др.). Вилково, «Дунайская Венеция», – поселок, порт на Дунае, расположен на островах, разделенных большим количеством каналов и проток.

[160] Килия – городок, порт на Килийском рукаве Дуная. Измаил расположен в 50 км от Килии. В прошлом – крепости.

[161] сладкое блюдо из варенья *(молд.)*.

[162] Возможно, имеется в виду Гварино (ум. 1460) – итальянский гуманист, учившийся в Константинополе, переводивший Плутарха, Страбона, Ливия, Плавта.

[163] *Кромвель* Оливер (1593–1658) – деятель Английской буржуазной революции XVII в., вождь индепендентов, лорд-протектор Англии с 1653 г. Неоднократно проявлял незаурядную опытность при подготовке государственных документов.

XCII

Вдруг стало мне скучно ехать одному.

Бог наказал меня за что-то?
Такая скука и зевота,
Такая грусть, что мочи нет!
Что не родился бы на свет!

Скука есть болезнь, сказал де Леви[164]; занятие есть лекарство от оной, а удовольствие – временное облегчение.

Скука родилась от единообразия, говорит или пишет Ламотт[165], а Лабрюйер[166] проповедует, что леность ввела ее в свет. И правда:

Я скуки никогда не знал,
Когда интрижками был занят,
Так для чего ж я клятву дал,
Что женщины уж не заманят
И райской сладостью меня?…

«Нет, – вскрикнул рыцарь Кунигунды[167], –
Нет! без небесного огня
Не проживу я ни секунды!»

«Самое лучшее жениться!» – сказал другой рыцарь.

Я по обычью принятому
Завелся б замком и женой,
Да вот беда, как домовой
Вдруг выжить вздумает из дому!

«Что ж делать!» – продолжал он…

Что же делать, долг свой отдадим!
Увы! мы все друг друга тешим:
Я сам не раз был домовым,
Нечистой силою и лешим!

---

[164] *Леви* Пьер Марк Гастоп де (1755–1830) – французский писатель, автор «Максим и мыслей на различные темы» (1808).

[165] Ла Мотт Антуан Удар де (1672–1731) – французский драматург, автор пьес на исторические темы. Известен его перевод «Илиады».

[166] *Лабрюйер* Жан де (1645–1696) – французский писатель, сатирик-моралист, автор книги «Характеры, пли Нравы нашего временпи».

[167] Речь идет, видимо, о герое философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм». Кандид был изгнан из замка барона Тундер-теа-Тронка, так как вознамерился дать его дочери Кунигунде урок «экспериментальной физики», подобный тому, что давал его наставник Панглос горничной баронессы в маленькой роще.

XCIII

Что за радость ехать одному и по большой дороге, и по проселочной тропинке жизни? На первой встречаешь нищих духом, а на другой нищих обыкновенных, как, например, вот этот, который молит меня о милостыне. Счастье! а что такое счастье? Глупый, нерасчетливый богач, который на бедность смотрит с презрением, сыплет деньги без пользы и без счету и, верно, подобно мне, не вынет серебряной монеты… и не скажет: прими, бедный странник!

XCIV

Таким образом отправлялся я понемножку вперед да вперед. Вдруг вечноунылая скука, томная грусть и задумчивая тоска напали на чувства мои! Все во мне изнемогало, силы истощились, проклятые Хариты[168] сдавили душу мою! Но могущественный сон наложил на меня спасительный эгид[169] свой, и вот мой армасар, как животное, управляемое, кроме узды, инстинктом, сворачивает с дороги, проходит с презрением стог сена, приближается к табуну, внимательно рассматривает кобылиц, гордо подходит к одной из них, приветствует ее зубами и задними копытами и – злодей! – прерывает сладкое мое усыпление. «Ты заблудился, мой милый!» – сказал я, поворотил его на дорогу, пришпорил и – заснул опять…

[168] В древнегреческих мифах Хариты – дочери Зевса и Ев-риномы (или Геры): Ефросина, Талия, Аглая (по Гесиоду). У Гомера несколько Харит. Были богинями плодородия, позднее – красоты, радости.

[169] *Эгид* (эгида) – щит Зевса. В переносном смысле – покровительство, защита.

День XIV

XCV

Я не помню, конь ли мой привез меня в Тульчин в продолжение сна или сон носил меня по Бессарабии, только известно мне, что человек разбудил меня на той же квартире, из которой я несколько дней тому назад отправился путешествовать под покровительством Адеоны[170] по настоящему и прошедшему, по видимому и незримому, по близкому и отдаленному, по миру физическому и миру нравственному, по чувствам и чувственности и, наконец, по всему, что можно объехать сухим путем, морем и воображением, исключая только то, что и конем не объедешь.

XCVI

Встретив день обыкновенным приемом кофию, я взглянул на полку. Долго взор мой, как взор султана, блуждал по гарему книг. Здесь нет ни одной, думал я, которая бы не была в моих руках. В этой много огня, но нет души; ты стара и потому стала глупа; ты слишком нежна и чувствительна; ты мечтательна, как немецкая философия; ты суха, ты слишком плодовита; ты… поди сюда… ты, изношенная, любимая моя султанша, Всемирная История! роди мне сына!

XCVII

Я уже прилег с султаншей своей на диван, как вдруг входит ко мне гость.
– Что поделываете?
– Да так, ничего.
– Что почитываете?
– Да так, ничего.
Вскоре гость мой ушел; почти вслед за ним и я отправился из дому.

XCVIII

Природа Подолии роскошна, воздух чист, свеж, здоров, долины заселены, фруктовые сады пышны, луга душисты, ряды тополей величественны, природа цветет, а вы, добрые хохлы и хохлачки! шесть дней трудитесь в поте лица на владетелей, день седьмой господу богу, а потом в корчму. Туда, как в Керам[171]… мудрецы мои! сбираетесь вы судить и рядить, пить и плясать. Красные девушки… нет!.. нет красной девушки между вами! а все в цветах – бедные цветы!

[170] *Адеона* – римская богиня, покровительница путешествующих.

[171] *Керам* – в древности город в Малой Азии.

XCIX

Местоположение Тульчина прекрасно. Палац с золотым девизом: *Да будет вечно обителью свободных и добродетельных.* Пространный костел наполнен ксендзами, ругателями слушателей своих. Ряды заездных домов, где всякий проезжий засыпан жидами и завален товарами. Вот Тульчин. Но я забыл пространный сад, который называется *Хороший.*

Он был хорош, как сень богов,
Когда с Босфорских берегов
В него богиня поселилась.
Он лучше стал, когда у ней
Чета прелестных дочерей
На диво всем очам родилась!
День ото дня он хорошел,
Когда сердца двух дев созрели,
Дитя крылатый прилетел,
И девы песнь любви запели!

Теперь опустел *Хороший.* Кто ищет уединения – там оно. Давно ли?..

Но время не для всех равно:
Я примечал и вижу явно,
Что для счастливых все давно,
А для несчастных все недавно.

C

Долго ходил я вокруг прудов, смотрел на плавающих лебедей и думал:

Бывало, равнодушный, смелый,
Не знал тоски и грусти я,
И в море дней, как лебедь белый,
Неслась спокойно жизнь моя!

CI

Подходя к дому, вправо от дорожки, ведущей к нему в гору, стоит железная клетка величиной с беседку; в ней жила сивоворонка; с любопытством взглянув на затворницу, я торопился перескочить мостик и быстро пустился по дорожке.

Где некогда наедине
Я был… гулял я… что за полька!
Она в глаза смотрела мне,
Я ей в глаза смотрел… и только!

CII

Как будто уставший от всех прогулок, которые мне в жизни случалось делать, сел я на скамейку и вспомнил прошедшее.

Почти от самой той минуты, в которую я произнес на санскритском языке громкую речь о вступлении моем в свет, от самой той минуты лет до 5-ти меня лелеяли и баюкали, лет до 10-ти нежили и баловали, лет до 15 учили и наказывали, в 16 на службе царской гремел я саблей и тешился серебряным темляком[172], в 17 нижние чины становились предо мною во фронт и без *вашего благородия* не смели произнести слова, сестрицы, братцы и учебные товарищи дивились и шитому воротнику и эксельбанту, учителя смотрели на меня с восторгом, как Алкмен[173] на свою статую, а красные девушки… я не скажу, как смотрели на меня – в 18, в 19, в 20 и далее, и далее, и далее, до настоящей минуты – много сбылось чудесного. Жизнь этих лет составила бы тома три с портретами и виньетками. Но если бы можно было пережить все это время… какое бы вышло прекрасное издание: revue, corrigée, augmentée et illustrée[174]…

CIII

Как тяжко, грустно мне! но пусть
Томит меня души усталость!
То о прошедшем счастье грусть,
То к сердцу собственному жалость:
Дитя больное, няню ждет,
Об колыбель устало стукать,
А няня милая нейдет
Его лелеять и баюкать!

Ах няня, няня, ласковая няня сердца! что бы было с ним без тебя? ты божество его!.. В нем твой храм и жертвенники твои!.. Добрая, милая кормилица! не отходи от него!

CIV

Я в тяжких думах утонул,
Далеко все, что сердцу мило!
Сатурн[175], мне кажется, заснул,
А время крылья опустило.
Но я и сам хочу заснуть,
Еще везде я быть успею;
Теперь, как ворон Прометею,

---

[172] *Темляк* – тесьма с кистью на эфесе сабли.

[173] *Алкмен* (Алкамен) (2-я пол. V в. до и. э.) – древнегреческий скульптор, учепик Фидия. Автор скульптур «Прокна и Ирис», «Афродита в садах», «Геката» и др.

[174] просмотренное, выверенное, дополненное и иллюстрированное *(франц.)*.

[175] *Сатурн* – древнеримский бог посевов, отождествлялся с Кроном. Имя бога связывалось с легендой о золотом веке – периоде повсеместного изобилия, равенства и вечного мира.

Тоска мою терзает грудь!
Заснул. Но вот что очень странно.
Мне вдруг приснилось, будто я,
Как злой прелюбодей судья,
Ищу, где моется Сусанна[176].

Подобный сон действительно был бы странен. Что за мысль? откуда такая идея? Но он был следствием очень обыкновенной случайности. Я сидел и заснул близ купальни; верно шум от плескания воды и звуки нежного голоса навели его па мое воображение.

CV

Скоро очнулся я, вскочил и скорыми шагами пустился домой. Дома я заметил развернутую карту Бессарабии и вспомнил, что меня ожидают на Пруте. Быстро перелетел я туда, как звук слова от говорящего к внимающему, и потом медленно, как будто шагом, ехал я рекой, своротил направо, долиной к с. Лапушне, и потом чрез Чючюлени прибыл в с. Лозово. Оно все в садах между крутыми горами, покрытыми густым лесом. Я не знаю отчего, но после долгого пути приезжаешь в подобные места с таким же удовольствием, как домой. Остановясь подле одной *касы*[177], я вошел в нее. Как опрятно! Стены белы, как снег; против дверей на развешанных по стене обоях иконы, убранные цветами; полки и перекладины унизаны большими яблоками и чем-то вроде маленьких тыкв, похожих на звезды. Под образами, во всю стену, широкий, мягкий диван; перед ним чистенький столик; подле стен, на диване, сундуки с приданым дочерей хозяйских и разноцветные ковры их работы.

CVI

Покуда готовили мне обед и жарили куропатку и вальдшнепа, которых я убил дорогой, я рассматривал живопись и значение икон. Вдруг заткнутая за обои бумага обратила на себя мое внимание. Писано по-русски; однообразное окончание рифм как будто осветилось. – Ба, стихи! – вскричал я, и давай читать:

CVII

В Молдавии, в одной деревне,
Я заболел. Правдивый бог
Наслал недуг, я изнемог
И высох, как покойник древний.
Денщик мой знал, что я как тень,
А без меня смирна нагайка,
И потому и ночь, и день
Не просыпался. Лишь хозяйка,
Все целомудрие храня,
Ходила около меня.

---

[176] *Сусанна.* – В Библии (Дан. ХШ) – красавица, жена Иоакима, оклеветанная старейшинами: они заявили, будто она нарушила супружескую верность. Царь Даниил оправдал ее и спас от смерти.

[177] дом *(молд.)*.

И часто слушал я от скуки
Нескромные слова Марюки,
Интрижки давние ее
Вниманье тешили мое.

«У нас здесь полк стоял пехотный
(Она всегда твердила мне),
Меня любил фельдфебель ротный,
И выписал он на стене
Меня на джоке… погляди-ка!
Он говорил: «Вот это я,
Вот *Марвелица-мититика*[178],
Любезная душа моя!»
Уж кажется прошло два года:
Парентий[179] нас благословил;
И вот до самого похода
Со мной Илья Евсеич жил.
Его ль не буду вспоминать я?
Он сшил мне ситцевых два платья!
Я много слез по нем лила,
И с горя я бы умерла,
Но думала: не будет к нам уж!
И с полгода как вышла замуж.
Мне молдаванская земля
Скучна: хоть здешняя я родом,
Но вылита я в *москаля*
Поручика, который с взводом
В деревне нашей с год стоял
И матушке моей сто *левов*[180]
Да перстень с светлым камнем дал…

CVIII

Здесь чтение поэмы прервала вошедшая женщина.

– Марьелица!

– Что? – вдруг отозвалась она.

– Илья Евсеич кланяется тебе!

Закраснелась, скрылась Марьелица, и след простыл.

После обеда я продолжал читать найденную поэму… Вероятно, вы также хотите знать продолжение и конец ее, но могу ли я печатать чужое произведение? Согласитесь сами.

Ввечеру Марьелица показалась опять. Долго она искала что-то по всей комнате; кажется, желание знать о здоровье Ильи Евсеича беспокоило ее, но я притворился спящим, а вскоре и вправду заснул.

[178] маленькая, малышка *(молд.)*.

[179] Священник *(молд.)*.

[180] *Лев* – денежная единица, имевшая хождение на Балканах.

День XV

CIX

Лет в 50 я гораздо подробнее буду рассказывать или описывать походы свои. После *курьерских,* поездив на *долгих*[181], я посвящу себя жизни постоянной, подражая природе, в которой постоянно все, кроме природы и людей, исключая из числа последних всех милых женщин, известных мне и читателям.

CX

Это последняя талия, которую я мечу для первого тома моего путешествия; она решит, кто останется в проигрыше – я или читатель.

Проигрыш более всего заводит в игру; например, если у автора книги сорвут несколько тысяч экземпляров, то он рад заложить новый банк, а решительный книгопродавец поставит *ва-банк.*

CXI

Но я заговорился. Уже несколько дней, как манифест, объявляющий войну султану, обнародован. Из Лозова взор мой опять переносится в Тульчин. Между тем вьюки готовятся к походу, почтовая повозка у крыльца. Прощайте, милые мои! молитесь за меня! когда, когда опять увидимся мы? Прощайте! Но еще должно выслушать молебен. Кончен! крест поцелован, святая вода окропила, прощайте!

Таким образом простился я с Тульчпном 20 апреля 1828 года; 22 был уже в Кишиневе, а 25 переправился с войсками чрез р. Прут при местечке Фальчи.

В походных записках офицера м. Фальчи произведено в крепость 3 разряда.

По мне пусть будет Фальча крепость
Без стен, без бруствера, без рвов:
В подобном смысле я готов
За правду принимать нелепость.

CXII

Здесь конец первой части путешествия! – вскричал я и ударил кулаком по столу. Все, что было на нем, полетело на пол, чернилица привскочила, чернилы брызнули, и черная капля потопила Яссы[182].

---

[181] *...поездив на долгих...* – т. е. в экипажах без перекладных. Поездка продолжалась медленно, так как лошадей не подгоняли, чтобы они не выдохлись быстро.

[182] *Яссы* – в 1820-х годах главный город в господарстве Запрутской Молдавии (Молдовы), резиденция господаря и греческого митрополита.

CXIII

Если б человеку при создании вселенной дан был произвол избрать в ней жилище себе, до сих пор носился бы он в нерешительности, как эфир между мирами. Так и я теперь не знаю, на чем остановиться…

CXIV

Дай крылья, сын Цитереиды[183],
Дай крылья мне, я полечу!
На райских берегах Тавриды
Я встретить светлый день хочу.
Усталый путник, там я сброшу
Печалей тягостную ношу!

Там легко, вольно будет мне:
Там к Чатырдагской вышине[184]
Я прикую безмолвно взоры;
Я быстрой серной кинусь в горы,
И с гор, как водная струя,
Скачусь в объятья другу я!

Кто этот друг? – спросите вы меня. Вздохните глубоко о том, что вы некогда любили больше всего в мире; взгляните на то, что для вас дороже всего в мире теперь; слейте эти два чувства; если от слияния их родится существо, то оно подобно будет моему другу.

CXV

Как все пристало, мило ей!
Когда шалит, ей шалость кстати;
В пылу младенческих затей
Она крылатее дитяти,
Который с помощию стрел
Совсем Вселенной завладел!

В ней все влечет к себе и манит;
Умен и пылок разговор;
Когда ж она потупит взор,
Стыдливость щечки разрумянит,
И вдруг задумчива, скучна,
Головку склонит, ручки сложит,

[183] Киферея (Цитерея) – одно из прозвищ Афродиты. Имеется в виду ее сын Эрот. Вельтман обращается к богу любви с просьбой снабдить его крыльями, чтобы улететь на берега Крыма (Тавриды), где его должна поджидать Е. П. Исупова.

[184] Одна из самых высоких вершин Крымских гор.

Тогда мне душу мысль тревожит,
Что замужем уже она.

В ней сердце сладкой воли просит,
Его неопытность томит;
Как терпеливо переносит
Она болезнь души! Сидит,
Молчит, как хворая старушка,
Очаровательно-слаба.
Зачем, коварная судьба!
Не грудь моя ее подушка?
Как билось сердце бы мое
Под этой ангельской головкой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.